

24 часа

Автор:

[Лана Мейер](#)

24 часа

Лана Мейер

Алекс Д

«Новый год. Новая жизнь.»

Сколько еще людей прямо сейчас произносят эту же мантру в надежде, что волшебство сработает? Огромное количество желаний загадывается в рождественскую ночь, но только единицы по-настоящему верят, что они исполнятся.

Говорят, стоит быть осторожным со своими желаниями. Иначе они могут свалиться на тебя, как снег на голову и нагло заявиться на порог твоего дома в виде надоедливой пигалицы.

Ты думаешь, что она – самая невыносимая девушка на свете, ещё не зная, что в твою жизнь ворвалась особенная Снежинка – одна из трехсот пятидесяти миллионов других. Уникальная. Единственная. Та самая.

А потом растаяла.

Ровно до следующего Рождества.

И все что у нас есть – это двадцать четыре часа безумия, от которых мы до сих пор не нашли лекарство.

Но как быть, когда эти двадцать четыре часа стоят целого года?

Алекс Д и Лана Мейер

24 часа

Пролог

Канун Рождества

Лэндон

Подняв воротник пальто, я торопливо спускаюсь по ступеням и направляюсь к центральному воротам клиники. Под подошвами хрустит пушистый снег вперемешку с цветными брызгами от разорвавшихся хлопушек. Кудрявые полоски серпантина свисают с перил, цепляются за зеркала и дворники припаркованных на территории больницы автомобилей.

Декабрьский по-праздничному трескучий мороз мгновенно перехватывает горло. В лицо ударяет порыв холодного ветра, покалывая щеки ледяными иглами. Рассвет наступит не раньше, чем через час, зимнее солнце не спешит просыпаться, но город давно не спит. Канун Рождества – особенное время, когда предчувствие волшебства буквально витает между домами, залетает в окна, звенит бубенцами и цокочет копытами пластмассовых оленей в красных шарфах.

Задержавшись на тротуаре, я вдыхаю полной грудью очищенный морозом воздух. Прищурившись от обилия мерцающих огней и гирлянд, смотрю на охваченных праздничной суетой улыбающихся прохожих. Они спешат к своим семьям по сверкающим иллюминацией улицам мимо наряженных елок, пританцовывающих Санта-Клаусов, сверкающих витрин и парочки нетрезвых эльфов, раздающих прохожим леденцы в красивых обертках. Паутины яркого света тянутся от здания к зданию, попутно обнимая замершие голые ветви деревьев, оживляя каждое подмигивающими огоньками и словно предлагая присоединиться к сказочному представлению.

Повинуясь внезапному импульсу, оглядываюсь на фасад клиники. Под вывеской с названием переливается гирлянда всеми оттенками голубого, состоящая из сотни покачивающихся на ветру искусственных снежинок, так похожих на настоящие, что отражая свет праздничных огней, щедро валятся с неба на мои волосы и плечи, забираются за воротник, превращаясь в крошечные капельки воды от соприкосновения с горячей кожей.

– Бейкер, подожди минуту, – услышав свое имя, фокусирую взгляд на приближающейся фигуре Джона Ресслера. Он быстро направляется ко мне, на ходу накидывая пуховик прямо поверх белого халата. Я инстинктивно иду навстречу к коллеге.

– Мы вроде попрощались, когда кофе пили, – напоминаю, когда между нами остается несколько шагов. – Что это? – нахмурившись, с недоумением смотрю на протянутую Джоном прямоугольную плоскую коробку, размером с ладонь и завернутую в глянцевую яркую бумагу с красно-белыми рисунками.

Держи, говорю, – раздраженно бросает Джон, пытаюсь отдышаться после бодрой пробежки и не спеша прояснить свой странный жест. Мы, конечно, очень давно друзья, но подарки у нас дарить не принято. Угостить друг друга выпивкой в баре после дежурства – вот это другое дело.

– И с Рождеством я тебя, вроде, уже поздравил, – озадаченно смотрю на запыхавшегося приятеля, автоматически бросая неожиданный презент в карман пальто.

– Не-а, – отрицательно мотнув головой, лыбится Ресслер. – Не поздравил. Но подарок не от меня.

– Нет? – еще больше теряюсь я, припоминая, кто из медсестер и прочего младшего персонала не отметил меня своим вниманием и дарами в последнее перед отпуском дежурство.

– Разочарован? – хохочет Джон, явно пребывая в лучшем настроении, чем я, хотя это он должен был с сегодняшнего дня отправиться в запланированный отпуск. – Не парься, дружище. Пациентка твоя передала. Тёрлась у твоего кабинета. Очень расстроилась, что не успела поздравить лично.

– У меня, точнее теперь у тебя, их больше двадцати. Какая именно? – уточняю я, не веря, что Ресслер из-за такой ерунды бросился меня догонять.

– Имя вылетело, – Джон задумчиво морщит лоб. – Худенькая, маленькая, волосы под мальчика, глаза большие, грустные.

– Я не оперирую детей, Джон, – напоминаю с иронией. – И ты тоже. А большие и грустные глаза будут у меня, когда я попаду в снегопад и застряну на трассе, если не выеду прямо сейчас. Ты с каких пор такой сентиментальный стал?

– Не знаю, жалко стало. Рождество все-таки, а тут такая беда у малышки. Любимый доктор свалил, не попрощавшись. Она, как узнала про твой отпуск, чуть не расплакалась. Влюбилась, наверное.

– Ресслер, в нас каждая вторая пациентка женского пола влюбляется, вне зависимости от возраста, и вся любовь благополучно заканчивается сразу после выписки, – произношу, потирая озябшие ладони и мысленно прикидывая, успею ли я добраться до загородного дома до начала снегопада. Джон ухмыляется, понимая, что возразить ему нечего.

– В общем, я передал. Совесть моя чиста. Скоро утренний обход, скажу крохе, что ты очень обрадовался подарку, – подмигнув мне, Джон разворачивается, чтобы вернуться к своим прямым обязанностям. Внутри что-то неприятно натягивается. Пациентка, попадающая под описание Ресслера, у меня только одна.

– Подожди, – задерживаю Ресслера, взяв за локоть. – Диагноз помнишь? Ты всю ночь у меня истории болезни принимал.

– Диагноз помню, – повернувшись, кивает Джон. – Ротационный перелом позвоночника со смещением, – выдает тоном отличника. – Через пару дней буду ее готовить к выписке.

– Фигуристка, – вспоминаю я, непроизвольно бросая взгляд на искусственный каток, находящийся прямо за забором клиники. Его установили недавно, буквально пару дней назад, и по вечерам на нем не протолкнуться от посетителей на коньках.

«Доктор, вы можете попросить палатную медсестру, чтобы она не поднимала жалюзи?»

И эту просьбу во время утреннего обхода я тоже вспомнил, но причину понял только сейчас. Из окон ее палаты каток виден, как на ладони.

– Фигуристой ей точно не быть, – качнув головой, прогнозирует Ресслер. – Но ходить и вести полноценную жизнь сможет.

– Ладно, надо ехать, – протянув руку, пожимаю ладонь друга и выжимаю из себя заезженное: – Счастливого Рождества, Джон.

Через десять минут, задав навигатору координаты пункта назначения, я выворачиваю на шоссе. Автоматический женский голос сообщает, что дорога займет пятьдесят семь минут, предупреждая о заторе на центральной городской авеню. Решив не тратить время на пробку, меняю маршрут и погромче врубаю радио. Салон автомобиля наполняет меланхоличный голос Джорджа Майкла с неизменным рождественским хитом всех времен и народов:

«Last Christmas

I gave you my heart,

But the very next day you gave it away...»

Решив найти что-то пободрее, я переключаюсь на другую частоту и вновь попадаю на эту же композицию. Раздраженно выругавшись, ищу дальше.

«На Рождественскую ночь метеорологи обещают жителям Чикаго сильную метель с ураганными порывами ветра, самый эпицентр которой придется на пригород, предостерегает всех, кто планирует поездку на автомобиле, быть осторожнее на дороге, но, а мы продолжаем согреться малоизвестными фактами на зимнюю тему», – жизнерадостным голосом вещает диктор третьей по счету радиостанции. Неужели хоть что-то, не содержащее словосочетание «Last Christmas». Радиоведущий продолжает болтать, снегопад усиливается, ветер бросает в лобовое стекло горсти белой пыли, а оставшиеся километры,

вопреки ужасной видимости и обледеневшему покрытию дорожного полотна, медленно, но верно сокращаются.

– Через один километр поверните направо, – оживает навигатор.

«И теперь мы с вами поговорим о фантастическом примере самоорганизации материи из простого в сложное, – перебивает механического собеседника неугомонный ведущий. – И речь пойдет... Вы никогда не угадаете. Конечно же, о снежинках.

Сбросив скорость, я резко выворачиваю руль, едва не пропустив поворот, в который один хрен не вписываюсь. Все происходит мгновенно и в то же время, словно застывает во времени. Автомобиль заносит, несмотря на тщетные попытки удержать управление. Но я не чувствую паники, не вижу вспышкой пролетающую жизнь перед глазами. Ни зашкаливающего пульса, ни сбивающегося ритма сердца. Абсолютное ничего. Я словно отстранённый наблюдатель, а не тот парень за рулем неуправляемого автомобиля, несущегося по дороге. Трасса напоминает гребаный каток, на котором тяжеленный внедорожник кружит, словно изящная фигуристка в танце. У него, а точнее у меня, практически нет шансов. Чудес не бывает, но в Рождество так хочется в них верить.

«Вы знали, что более трех миллиардов человек, живущих на Земле, никогда не видели снежинок? Невероятная цифра. Трудно представить всех этих несчастных», – продолжает болтать радиоведущий.

Под визг тормозов и скрип шипованных шин, скользящих на ледяной дороге, глянцево-черный монстр на скорости влетает мордой в сугроб на обочине, из которого торчит дорожный знак.

«А о том, что в Японии находится единственный в мире музей снежинок, названный именем ученого, считающий, что снежинки – это письма с небес, вы тоже наверняка не слышали?»

– Вы ушли с маршрута, – бездушно оповещает навигатор и замолкает.

«Как вам такой факт: в одном кубометре снега находится триста пятьдесят миллионов снежинок, каждая из которых уникальна?»

Часть 1

Снежные пленники

Глава 1

2012 г. Канун Рождества

Снежинка

– Новый год. Новая жизнь, – с воодушевлением повторяю успокаивающую мантру, на максимум врубая в машине новогоднюю музыку. Фрэнк Синатра отлично гармонизирует и умиротворяет нервную систему во время вождения. Особенно, когда из-за снежной и бурной метели в этой Богом забытой глуши, я рискую вновь повторить самый жуткий кошмар наяву, что неумолимо преследует меня всю жизнь.

– Вот черт, ну и погода здесь, – вновь возмущаюсь я. Прищуриль веки, отчаянно пытаюсь разглядеть дорогу перед собой. Все тщетно: моему взору открывается лишь засвеченный лес и ослепляющие снежинки, стремительно влетающие прямо в лобовое стекло, словно микрокометы.

Если бы я знала, что дорога будет такой опасной, я бы ни за что не покинула город. Но мне настолько хотелось свалить подальше от тесной квартиры, раздувающей ощущение острого одиночества до размеров галактики, что я, не задумываясь, пошла на этот опрометчивый риск. Дорога до дома у озера стала тем еще квестом, но до заветного места осталось не более часа. Остается только надеяться, что я доберусь до него без приключений и роковых последствий, которыми грозит образовавшийся каток на дороге.

И стоит мне только подумать о «роковых последствиях» ...

Чертов панический приступ, как всегда, накрывает внезапно. Страх с ноги выбивает дверь в мою душу, берет за глотку, сковывает грудную клетку ледяными щупальцами.

Уже хорошо мне знакомый припадок неконтролируемого ужаса душит, сжимает опустевшие легкие. Гортань и горло в тисках, поперек шеи стоит снежный жар. Фантомные ощущение настолько мощные, что, кажется, я могу умереть от удушья или сердечного приступа куда быстрее, чем родители, покинувшие этот мир из-за страшной аварии.

Одиннадцать лет назад вместе с ними могла погибнуть и я, но мне повезло больше.

Ноги немеют, ладони хаотично скользят по рулю, я уже не разбираю слов рождественской песни. Перед внутренним взором калейдоскопом картин пробегает ужасающее воспоминание: сумерки сгущаются над этой же дорогой. Мы с мамой и папой веселимся, горланим новогодние песни во весь голос, и смеемся до колик в животе...пока не случается глухой удар, за которым следует скрип тормозов. Наша «семейная песня» заканчивается двумя могильными плитами и безвозвратной потерей мечты всей моей жизни.

До аварии я планировала стать олимпийской чемпионкой по фигурному катанию, а вышло так, что стала...чемпионкой по самому быстрому восстановлению в реабилитационной клинике, где целый год заново училась ходить.

Погружаясь в раскадрированные воспоминания, я все больше обливаюсь холодным потом. Внезапный телефонный звонок добавляет масла в огонь внутренних мучений: ненавижу отвечать на них, находясь за рулем. Но вдруг там что-то строчное?

Тянусь к смартфону на соседнем сидении, непрерывно глядя на дорогу. Барабанные перепонки разрывает резкий и сокрушительный сигнал, издаваемый фурой, пролетающей мимо. Громадная махина появилась из ниоткуда! Не могу осудить водителя за отрезвляющий сигнал, сейчас не права я. Очевидно, я немного сместилась на встречную полосу в попытке ответить на чертов звонок...

Все происходит так быстро. Как и в прошлый раз, одиннадцать лет назад. Мне отлично известно – чтобы потерять все, достаточно сотых долей секунды.

Когда машину разворачивает на ледяной дороге на триста шестьдесят градусов, я уже не дышу. Не могу и кричать, из-за давления в легких. Мое сердце замирает, или выпрыгивает из груди – я не понимаю, не осознаю происходящего. Все слишком быстро, считанные мгновения разделяют меня с необратимой явью.

Крепко держусь за руль, пытаюсь вспомнить, каким образом нужно правильно вывернуть колеса. Но уже поздно. Любой осознанный человек будет думать об этом до того, как потянется за телефоном в ответственный и опасный момент. Что ж, это могли бы быть съемки отличной социальной рекламы, но, к сожалению – все взаправду. Скрип тормозов вселяет меня в ужас, кажется, что весь мир сейчас дрожит и вибрирует вместе со мной. Рушится, распадается на сотни осколков реальности.

За мгновение, мир окрашивается в черный, а потом – в ослепительно-белый свет.

Мощный удар, отдающий острой болью в спину. Мое лицо расплющивает на подушке безопасности. Уверена, что сломала нос, но если я чувствую боль – это хорошо, правда? Стреляющая агония парализует и голову за секунду до того, как я отключаюсь.

Самое страшное – меня никто не спасет. Дом находится в пятнадцати минутах от ближайшего населенного пункта. Но и там, в канун Рождества, все попрятались по своим семейным убежищам. Никому нет дела до одинокой идиотки, которая ни черта не учится на своих ошибках. Проехавшая фура была единственным транспортом, что встретился мне на пути. Поэтому, сомневаюсь, что кто-либо оперативно вызовет для меня помощь...

Не знаю, сколько проходит времени. Может быть, минута. А может, целая вечность. Удивительно, что я еще способна связно мыслить. И даже дышать. Осознание, что я жива, приходит довольно быстро.

Удивительно – мне казалось, меня нехило развернуло на дороге. А по итогу, по ощущениям нет даже малейшего сотрясения. Разлепив веки, что зажмурила от испуга, я замечаю, что по счастливому стечению обстоятельств влетела в огромный сугроб на обочине. Кажется, мне снова повезло, а боль – лишь следствие напряжение и спазма в суставах и мышцах. Вмятина на бампере –

лучший исход у сальто, что я провернула на этой безлюдной дороге. Не знаю, за что меня любит Вселенная, но давно заметила, что вечно выхожу сухой из воды. Не сомневаюсь, что родители незримо присутствуют рядом со мной каждый день и выручают в подобных случаях.

– Господи, спасибо, – вымученно хныкаю я, сложив руки вместе и подняв взгляд на затянутое жемчужными облаками, небо. – Клянусь, больше никаких телефонов, пока я в машине! Обещаю, – не знаю, в какой раз даю это слово, но в канун Рождества лучше говорить миру правду и только правду.

– Жизнь ничему тебя не учит, Адалин, – стремительно вырубив смартфон, швыряю его в бардачок.

Очевидно, мои клятвы и обещания мгновенно почистили карму – после страстного поцелуя с сугробом, дорога стала намного лучше. Кошмарная метель уgomонилась до умеренного снегопада.

Чем ближе я приближаюсь к дому, где в последний раз видела своих родителей живыми и здоровыми, тем больше проясняется небо. Наконец, резко торможу у пункта назначения, и тяжело выдохнув, плююсь на здание, где похоронены мои детские мечты, любимые люди и единственная цель в жизни, которая у меня когда-либо была.

Закрыв за собой дверь авто, непроизвольно щурюсь от яркого солнца, что соизволило выглянуть именно в тот момент, когда непростая дорога до южной части Иллинойса была позади.

Странное чувство. Кажется, что я закрыла дверь этого дома еще вчера, но это «вчера» было одиннадцать лет назад. Здесь ничего не изменилось с того момента, даже солнечные лучи падают на сугробы, ограничивающие подъездную дорожку к дому, под таким же углом, превращая их в мягкие валуны, покрытые алмазной крошкой.

Нерешительно преодолевая расстояние между машиной и домом, где осталась большая часть настоящей меня, постепенно перестаю дышать.

Черт. Он абсолютно такой же, каким я его помню: двухэтажный коттедж голубого цвета с панорамными окнами на фасадной стороне и прозрачной

входной дверь. Разбежавшись, я кидаюсь вперед, ощущая, как тяжелые ботинки утопают в небольших сугробах. Уверена, территорию перед ним расчистили арендаторы накануне метели. Специально к моему приезду, иначе бы половину первого этажа давно замело. Действительно – даже снегоуборочную машину в гараж не убрали.

Придерживаясь за медное ограждение входной лестницы, бросаю взгляд на припорошенную снегом террасу. Когда мне было четырнадцать, мы с мамой представляли, как снимем этот домик на летние каникулы и будем устраивать здесь ранние завтраки с пышными вафлями и кленовым сиропом. Она всегда говорила: «Летом ты уже будешь настоящей чемпионкой, и сможешь, наконец, расслабиться и позволить себе мою выпечку». В разгар спортивного сезона я питалась исключительно растительной пищей, и боялась даже смотреть в сторону маминых шедевров. Мой тренер отчитывал меня за каждый набранный грамм. Я и сама прекрасно знала, насколько тяжело даются прыжки на тренировке с утра после плотного ужина.

Эти проблемы остались в далеком прошлом, как и моя несостоявшаяся карьера великой фигуристки. Мне быстро нашли замену, несмотря на то, что мистер Хемптон не раз повторял мне, что таких, как я – больше нет.

Прежде чем войти в дом и раскидать там свои шмотки, второпях прихваченные с собой на всю следующую неделю, я набираю Джастину – именно он разрывал мой телефон навязчивыми звонками, что чуть было не стало причиной аварии.

– Адалин, ты взяла. Послушай... – слышу его взволнованный голос почти сразу, как попадаю на линию.

– Ничего не хочу слушать. Не смей мне звонить больше. Ни-ко-гда! – превращаясь в злобную фурию, рычу я и демонстративно бросаю трубку. Для надежности, кидаю бывшего в черный список. Я должна была давно это сделать...но, как и все женщины, я до последнего верю в чудо. Рождественское, черт подери. Но, скорее время повернется вспять, и я таки стану золотым призером олимпиады, чем Джастин перестанет быть лживым олухом.

Больше всего на свете я сейчас хочу просто побыть одна.

Завернуться в кокон, скрыться в незыблемой крепости одиночества.

Это мое пристанище, спасение и одновременно – проклятье.

По крайней мере, я самодостаточна и могу спокойно послать мужчину, который в очередной раз предал меня и облажался. Мне не нужен «спасатель», как многим женщинам в современном обществе. Я сама могу себя спасти.

Внутри коттеджа тоже мало что изменилось. Своим минималистичным интерьером он напоминал мне домик из скандинавской рождественской сказки. От каждого предмета здесь веет теплом и уютом: заглядевшись на красные лепестки пуансетии, что украшают зеркальный столик у входа, я буквально чувствую, как по венам начинает бурлить новогоднее настроение. Омела над ближайшим камином добавляет этому месту еще больше магии – сегодня вечером я зажгу его, завернусь в плед и сделаю себе какао. Конечно, налью его в самую большую кружку, которую только найду в доме и подчищу запасы конфет и маршмеллоу, пересматривая все части «Гарри Поттера». Так выглядит мое идеальное Рождество наедине с собой.

Кидаю свои ботинки в сторону, замечая странную вещь – в доме разбросано куда больше хозяйских вещей, чем в прошлый раз. Они висят в коридоре и раздражают взгляд. Наверное, теперь владельцы живут здесь постоянно, и решили покинуть свое сказочное пристанище только на праздники.

Кстати, на фотографиях в интернете я видела шикарную украшенную елку, что ожидает меня в главном зале. Предвкушая апогей праздничного настроения, направляюсь в гостиную. Мое мурлыканье себе под нос прерывается истощенным волчьим воем, что внезапно пронзает все органы чувств и пробирает до дрожи. Мне остается лишь замереть на месте, цепenea от ужаса.

Первородный страх рождает в затылке знакомое чувство холодного онемения, но он тут же исчезает, когда я взглядом нахожу виновника горького звериного плача.

Им оказывается огромный голубоглазый хаски, смотрящий на меня, как на единственный источник еды в этом доме. О нет. Я на это не подписывалась. Агент по аренде ничего не говорила про пса! Это шутка? Волчонок, конечно, очаровательный, но не слишком ли большая ответственность для приехавшего расслабиться гостя?!

– Давай договоримся: ты не трогаешь меня, а я тебя, – предлагая сделку, отступаю на два шага назад, с опаской глядя на оскалившегося зверя. Попутно набираю номер своего агента по аренде недвижимости – миссис Спаркл, но она решительно игнорирует меня, оставляя наедине с огромным, неуправляемым псом, издающим скулящие и воющие звуки.

Внезапно, нарушитель моего спокойствия и одиночества, резко кидается в рандомную сторону, и я инстинктивно слеую за ним. Как человек, искренне верящий в то, что животные обладают душой, интеллектом и разумом, я не сомневаюсь в том, что пес хочет что-то сказать мне. Возможно, он бежит на кухню и намеревается выклянчить у меня рождественский ужин из этих вонючих сухих шариков. Едва ли не задохнувшись, я, наконец, торможу возле гардеробной, вспоминая как именно туда папа прятал костюм Санты.

Сдвинув брови к переносице, внимательно смотрю за серо-белым комочком мха и проблем. Слышала, хаски требуют к себе особого отношения и тщательного ухода.

– Что ты там ищешь, Балто? – не задумываясь, нарекаю его волчьим именем из старого мультика. Незванный гость усердно роется в одном из пластиковых ящичков. Уже через минуту, пес выходит из гардеробной и держит в зубах предмет, который одним своим видом растворяет почву, фундамент и ламинат под моими ногами. Я будто падаю вниз, ощущая, как ребра давят на легкие.

Нет. Не может быть.

Невероятно. Они не могли пролежать здесь одиннадцать лет.

Но у меня нет никаких сомнений в том, что это мои коньки.

Я забыла их здесь одиннадцать лет назад, и думала, что они давно сгнили в земле на ближайшей свалке. Пожелтевшие белые «крылья» вызывают во мне набор противоречивых и безмерно щемящих чувств в груди.

Кто сохранил их? И зачем? Балто, возможно почуял мой запах, идентифицировал его уже со знакомым ему, и решил немедленно без слов объявить мне об этом. На языке животных, это что-то вроде рукопожатия, что означает: «Я тебя знаю».

Ладно. Это все-таки канун Рождества. Чудеса случаются...еще большим волшебством оказывается тот факт, что коньки приходятся мне почти впору. В подростковом возрасте я достигла максимума своего роста и веса, как и размера ноги. К сожалению, эта особенность отразилась и на объеме груди. Быть вечной «дюймовочкой» – плюс для фигуристки, но минус для девушки, которая уже давно далека от спортивной жизни. Мне двадцать пять лет, а алкоголь мне с неохотой продают даже после демонстрации паспорта.

– Ты издеваешься, Балто? Как же ты нашел их? Откуда ты здесь? Неужели хозяева оставили тебя без присмотра, малыш? – окончательно растерявшись, я сажусь на корточки. Балто бросает передо мной коньки и, взыв на высоких нотах, убегает, исчезая из виду.

– Эй, ты куда? – кричу псу вслед я, всерьез думая, что он мне привиделся.

Провожу пальцем по шероховатым шнуркам. Потертостям, оставшимся после изнурительных тренировок, многократных падений. По лезвию и резцу, с которых начинались сложнейшие и самые невероятные прыжки в моей жизни.

Я не должна плакать. Это неправильно. Но я рыдаю, как мой новый друг хаски, черт подери.

Вою в голос, но ни одна живая душа меня здесь не услышит. Решение действовать приходит спонтанно. Я только попробую...ничего страшного не случится.

Зажав в руках коньки, я решительно встаю с пола и выхожу из дома через задний двор, стремительно направляясь к озеру. Оно никуда не исчезло, и за одиннадцать лет, кажется, стало еще больше и загадочнее. Именно озеро делает коттедж, расположенный прямо на его берегу, особенным. Удивительно, что он сдавался за такие гроши, что даже я смогла себе его позволить!

Ледяная гладь манит к себе сильнейшим магнитом, красота замерзшей воды ослепляет. Она выглядит как портал в другой мир, Вселенную. Или как взлетная площадка для фигуриста.

И вот уже ноги сами ускоряются, заставляя меня буквально подлететь к кромке катка. Осмотревшись по сторонам, я замечаю подсветку на нескольких соснах –

если я прокатаюсь здесь до самых сумерек, я смогу увидеть ее во всем своем великолепии и опоздать на первую часть волшебной саги.

Плевать.

Рождественские огни не способны заморозить меня так, как идеально гладкая поверхность льда.

Даже удивительно, насколько зашлифованным он выглядит. Создается впечатление, будто по нему только что проехали специальной разглаживающей машинкой.

Пребывая в странной и бессознательной эйфории, я обуваю коньки, и вот уже правая нога неуверенно ступает на привлекательную и манящую безупречным блеском поверхность. За ней, незамедлительно следует левая. Базовые шаги я вспоминаю автоматически, будто не было этих одиннадцати лет без тренировок и соревнований. Губы сами раздвигаются в настолько безумной улыбке, что у меня начинают болеть щеки и скулы. Я не могу поверить в реальность происходящего и просто отдаюсь порыву, погромче включая в своих наушниках трек Дункана Лоуренса – Arcade.

Я – невесома, легка, воздушна. Как падающая снежинка.

Именно эти чувства дарят первые б шаги и незатейливое вращение на месте. Полностью растворив свое сердце в мелодии, я начинаю танцевать, взмывая руки к небу. Они всегда помогали мне справляться с самыми сложными приемами и никогда не подводили своей силой.

Я легкая, плавная, гибкая...красивая, невероятная. Принцесса льда, как называла меня мама. И в то же время сильная, волевая, упругая, сосредоточенная, растворившаяся в своих ощущениях.

Свободный полет, сопровождаемый теснотой груди. Абсолютное счастье, то дурманит разум и вызывает внутри бурю волнения. Лезвия коньков скользят по льду с хорошо знакомым звуком, из-за которого я вот-вот испытаю оргазм прямо здесь и сейчас. И вот...дух захватывает с утроенной силой, я вращаюсь на месте и пускаюсь вперед, намереваясь хорошенько разогнаться для простого прыжка.

Двойной аксель дается мне так легко, словно в последний раз я делала его одиннадцать минут, а не лет назад. Я сама не верю в то, что тело, вопреки словам врачей и моим собственным опасениям, движется так легко и плавно. Слезы счастья градом стекают к губам...

Очередное вращение с поднятой над головой ногой. Растяжка при мне, хоть и не такая, как прежде. У меня нет слов, лишь внутренний визг, напоминающий мне радостный вой нового знакомого Балто. Я вновь разгоняюсь, под стать кульминационным нотам любимого трека...и снова, любимая невесомость, абсолютный полет. Тот самый лутц, который я должна была продемонстрировать всему миру на олимпийских играх остается позади.

Я это сделала. Прыгнула! И не упала! Я снова могу кататься? Или любое падение может стать роковым для моего позвоночника, который буквально собрали заново?

Сомнения рождают внутри неуверенность, зажатость, как раз в тот момент, когда я вновь захожу на тройное сальто. Я даже не понимаю, что падаю. Не улавливаю это мгновение, потому что не чувствую болезненного удара. Скорее – пронзающий до нутра холод и ледяные иглы, вонзившиеся в каждую пору на коже. Еще через пару секунд, я понимаю, что вдыхаю не воздух и адски холодную воду, а все мое тело стремительно идет ко дну. Треснувший лед, под который я так феерично упала, будто сходится прямо надо мной, запирая меня в жидком морозильнике.

Мне отлично известно – чтобы потерять все, достаточно сотых долей секунды.

Паника овладевает всем моим существом, каждой клеточкой. Я слишком поздно понимаю, что я не кошка – девяти жизней в запасе у меня нет. А даже если когда-то их было две, то одну я уже «потратила». На этот раз спасения ждать неоткуда. Даже Балто не способен взять меня за шкуру и вытащить из воды. Все глубже уходя вниз, отчаянно задыхаясь, я представляю лица родителей. И в тот самый момент, когда мне кажется, что я готова пойти к ним и протянуть свои руки, я чувствую на себе хватку других – сильных, мощных, уверенных. Не иначе как лесной викинг проходил мимо и увидел рискованную и глупую девчонку, вытворяющую «па» на диком льду?

В конце концов, мое сознание отключается, но ощущение незыблемой силы, что оборачивает меня своим невероятным теплом и мощью, никуда не исчезает. Как и мужчина, что их излучает.

А вот это уже проблема.

* * *

– Ты кто? Как попал в дом? И какого черта, ты меня лапаешь?! – срываюсь на крик, как только прихожу в себя и понимаю, что незнакомец наглým образом пытается стянуть с меня леггинсы.

Не говоря уже о свитере, что уже скомкан на полу бесформенной тряпкой. Сомнений быть не может: я попала в лапы насильника.

А какому еще безумцу придет в голову спасти девушку, упавшую под лед? Это чистой воды самоубийство. Только двинутому извращенцу, для которого свежая «добыча» куда важнее собственной жизни.

Взгляд, наконец, начинает вновь фокусироваться на окружающих предметах. И на мужчине, что нарушил мой покой, одиночество и издает странные рычащие звуки непонятного происхождения. Пока я вижу лишь его загар и макушку, по которой могу судить о том, что у него темно-русые и короткие волосы.

– Угомонись, сумасшедшая, – словно сквозь слой ваты, доносится до меня грубоватый и глубокий голос. – Еще раз лягнешь, я верну тебя обратно в ту дыру, откуда вытащил, – хладнокровно чеканит маньяк.

К слову, у него чертовски приятный баритон – и это, кстати, очень даже отличительная черта всех психов и извращенцев.

Ладно. Вдох выдох. Я обязана прийти в себя и понять, что происходит.

– Тогда перестань раздевать меня! – хнычу я, прекрасно понимая, что мужчина уже успел заценить мои красные рождественские стринги. Впервые со мной такое – обычно, я придерживаюсь банального правила «пяти свиданий». Выходит, даже мои немногочисленные любовники так быстро не раздевали

меня.

– Пустоголовая дура, – с еще большим остервенением свирепствует
взбалмошный викинг.

За оскорбление он мне заплатит. К слову, я до сих пор не вижу его, без устали
лягая маньяка ногами, толкаясь ими в твердую грудь.

– Ты хочешь получить воспаление легких? Прекрасно. Вперед! Я тебя больше не
трогаю. Ты мне на хрен не сдалась. И проваливай из моего дома, – а теперь в его
голосе слышится явное раздражение, откровенная ненависть и нескрываемая
угроза.

Я резко перестаю дрыгать ногами, и слегка раздвинув их, пытаюсь разглядеть
человека, который возомнил себя хозяином этого дома. Между прочим, на
ближайшую неделю я являюсь владелицей этого коттеджа.

Наши взгляды встречаются. О нет. Хуже уже быть не может. Извращенец
оказывается обладателем самых манящих, глубоких и пронзительных глаз.
Создается впечатление, что они имеют иссиня-черный цвет. В купе с густыми
бровями и мужественными чертами лица – это как долбаный выстрел в упор.

Непроизвольно мой взгляд скользит ниже. Длинных волос и бороды у него нет,
но телом – он точно викинг. Даже закрадываются сомнения: возможно, он не
самоубийца, не псих и не маньяк. Обладая такими мышцами, он явно знал на что
шел и без труда вынес меня из холодного озера.

– Отличная поза, детка. Но меня не интересует твое предложение, – стебется
ублюдок. Покрываюсь мурашками от стыда и негодования. Ощущая, как кровь
мгновенно приливает к щекам, я осознаю, насколько развратную позу перед ним
заняла, оставшись в одном нижнем белье. Быстро сдвигаю колени. – Ты мне не
по размеру.

Еще бы, размерчик точно не для его. Я настолько маленькая рядом с этим
викингом, что не сомневаюсь – насильник раздавил бы меня куда раньше, чем
успел бы осуществить задуманное.

Мне трудно даже представить, сколько весит эта рельефная груда мышц. И почему я так акцентирую на них внимание? Все просто: мужчина без футболки и, кажется, даже не думает ее надевать. Кожа его покрыта свежими царапинами, в углублениях ключиц скопились капли воды ...

– Боже, – только и могу произнести я, нащупывая на диване шерстяной плед. Быстро укрываюсь им, и отдаляюсь от викинга настолько далеко, насколько могу, забиваясь в безопасный уголок софы. – Ты, правда, прыгнул за мной в воду? Но...почему? И что ты здесь делаешь? Не верю, что просто проходил мимо этой глуши. Ты пришел за собакой?

– Собака живет здесь, как и я, – вставая, бросает викинг. Бросает через плечо снисходительный взгляд.

– Мать твою. Я говорил ей, что дом не сдастся на праздники, – выругавшись, он скрещивает руки на широкой груди. – Я предлагаю тебе выметаться отсюда, как только согреешься, – хамит викинг, пока я наблюдаю за тем, как он разводит огонь в камине. Через пару минут молчания, меня обдаёт волнами жара. Не уверена, виновато ли в этом пламя или созерцание его мощной спины.

Он красавчик. Мне и в этом везет – даже извращенцы попадают чертовски горячими. Настолько, что может не так уж и плохо, что я надела свои кружевные стринги сегодня?

Боже, о чем я думаю? Какие стринги? Я чуть было не умерла!!! И нет никаких гарантий, что доживу до утра рядом с этим странным типом.

– Уйти? И куда же мне идти? На улице метель, – бросаю растерянный взгляд в окно, за которым вновь поднялась вьюга, к которой теперь еще и добавились сумерки. – И я заплатила недельную аренду, – встаю в позу я, и соскакиваю с дивана. Хочу упереть руки в бока, но вовремя хватаюсь за спадающий плед.

– А меня это не волнует, детка. Катись куда хочешь, до ближайшей деревни всего двадцать минут. Как-нибудь доберешься. Хотя, судя по твоему псевдобалету на льду, жизнь не так уж тебе дорога. Снимешь отель. Этот дом не сдаётся и принадлежит мне. Мне не нужна компания на Рождество, ясно?

Не знаю, как можно уместить столько оскорблений всего в паре фраз, но незнакомцу блестяще это удалось.

Он видел, как я каталась? Видел меня с самого начала и даже не сказал, что он здесь? Наблюдал за мной исподтишка?

Это какая-то ошибка. Очевидно, дом просто сдали сразу двум людям...он не может здесь жить, ведь агент уверяла меня в том, что я снимаю целый дом, а не комнату.

- Давай выдохнем и во всем разберемся, - наконец, я начинаю здраво мыслить и понимаю, что я не в том положении, чтобы продолжать конфликт. - Позвоним миссис Спаркл прямо сейчас, идет?

- Спаркл? Именно она занимается моим домом, когда изредка сдаю его. Но не сейчас.

- Я не понимаю, почему должна уходить, когда отдала ей свои кровные. У меня трудности с деньгами и уже очень темно, - пытаюсь выдать из себя нечто примирительное, но разъяренный викинг упорно набирает этой наглой женщине.

- И переоденься немедленно! - отдает неоспоримый приказ, швыряя в меня халат. Ловлю черный махровый кусок ткани, на котором серебристыми нитями значится «Лэндон».

- Не собираюсь переодеваться при тебе. Выйди из комнаты.

- Выйди сама, не беси меня, - рычит в ответ этот наглый, бесцеремонный, невоспитанный хам.

- Я не отойду от камина, я жутко замерзла!

- Переодевайся немедленно. Чего я там не видел? - Лэндон резко отворачивается.

Я тоже поворачиваюсь к наглецу спиной и с облегчением избавляюсь от влажного и холодного бюстгальтера.

– И свалилась же ты на мою голову, – сокрушается Викинг, пока я переодеваюсь в мужской халат. – Интересное тату, Снежинка, – с насмешливой издевкой комментирует засранец.

Кто бы сомневался, что этот неандерталец не будет подглядывать. Вспыхнув до корней волос, я запахиваю на груди полы халата и возмущенно оглядываюсь, награждая грубияна презрительным взглядом.

В следующую секунду весь свет в доме резко гаснет, а смартфон, что он давно перевела на громкую связь, издает автоматическое сообщение: «Набранный вами номер временно недоступен». Бросая взгляд на экран своего телефона, я с ужасом понимаю, что пропал не только свет, но и мобильная сеть, вместе с интернетом.

«Идеальное Рождество» – ничего не скажешь. Я заперта в полной темноте, с грубым и злым мужчиной, которого знать не знаю. Он настолько мне неприятен, что даже благодарить его за чертово спасение не собираюсь.

Мне не нужен спасатель. Я сама могу себя спасти...и именно этой фразой я собираюсь наградить викинга, но он чертовски пугает меня, когда с яростным рыком бросает свой дорожный смартфон в стену.

Викинг

От удара мобильник разваливается на две части. Идиот! Вряд ли сломанный гаджет хоть как-то поможет в этой дерьмовой ситуации. Во внезапно воцарившейся тишине, я слышу свое грохочущее дыхание и испуганный писк рождественского «подарка», свалившегося под мою елку, а точнее провалившегося под лед.

Если бы в кругу моих знакомых водились шутники, я принял бы происходящее за розыгрыш, но это исключено. С Рождеством у меня связано как минимум два отстойных жизненных эпизода, и это не безызвестные факты моей биографии. А в свете последних событий только отчаянный камикадзе решился бы «развлечь»

меня, подсунув в мой дом «снегурочку».

Не знаю, кого благодарить за этот сомнительный сюрприз на тощих ножках с татуировкой снежинки на пояснице. Точнее, догадываюсь, но доберусь или дозвонюсь до виновницы не раньше завтрашнего утра. Судя по завываниям пурги за окном, нет ни малейшего шанса выбраться из этой глуши до рассвета. Еще и электрические провода оборвало. Для полного счастья! Каждый снегопад – одно и то же.

– Долбаный пи*дец творится, – хрипло выдыхаю я, взлохматив волосы и наклоняясь за обломками телефона. Смартфон точно отслужил свое. И года не прослужил. – Я урою Лиззи. Лично откручу ее алчную сучью голову.

– Кто эта Лиззи? – тихий перепуганный голосочек, вынуждает меня взглянуться в очертания свалившейся мне на голову пигалицы.

Гребаные черти, темно, как в аду. Единственный источник света – огонь в камине, но его света недостаточно, чтобы разогнать сгустившиеся тени. Она с опаской ступает ближе к очагу, протягивая бледные маленькие ладони.

– Ты не знаешь, как зовут твоего риелтора? – немного остыв, обращаюсь к утонувшей в моем халате девчонке. Она жметя поближе к теплу и продолжает дрожать. Не факт, что только от холода.

– Миссис Спаркл, – не с первого раза выговаривает Снежинка.

Назвал бы Снежной королевой, но для этого прозвища крошка не доросла. Сколько в ней, полтора метра?

– Лиззи Спаркл, – дополняю я ее неточные данные. – Она присматривает за домом в мое отсутствие и сдает его...тоже в мое отсутствие.

– Произошла какая-то ошибка...

– Очень проникательное замечание, Снежинка, – ухмыляюсь я. – Ты просто бьешь рекорды по решению логических задач.

- Ты всегда такой мудака? Или это рождественское помутнение?

- А ты всегда такая смелая или мозги забыла на дне озера?

- Ты... ты!!!

- Ну, давай, вывали на меня всю свою бабскую дурь.

- Пошел ты!

- Охереть, ты оригинальна. Закатала в асфальт. Я поражён, - издеваюсь, скрестив руки на груди. - Убит наповал. Срочно вызывай реанимацию.

- С тобой невозможно разговаривать, - Девчонка возмущенно фыркает, задирая нос.

- И я о том же. Тебе пора заткнуться.

Она ничего не отвечает, но пронзающий негодованием взгляд ощущается на физическом уровне. Ага, страшно. Убей меня презрением. Напугала ежа голой жопой.

Молчание затягивается, напряжение нарастает, искрится, между нами, электрическими разрядами. Отблески от потрескивающего пламени высвечивают упрямо поджатые полные губы.

Надо признать, что рот у малышки, что надо. Большой, чувственный, и если бы не выдавал слишком много слов в минуту - смело претендовал бы на твердую десятку по шкале сексуальности. Глаза тоже крупные, выразительные. Цвет рассмотреть не успел, но не больно-то и хотелось. Вздорные пигалицы с суицидальными наклонностями - не мой формат женщин. Полоумная, если бы не заметил случайно ее вещи, раскиданные в доме, и не прошел по чужим следам к озеру, лежала бы она сейчас заледеневшей сосулькой на дне.

- Я не видела твою машину, когда подъехала, - с подозрением произносит Снежинка, нарушая тяжелую тишину. Она все еще сомневается, что это ее присутствие - ошибка. А я у себя дома.

- Потому что моей машины здесь нет. Я оставил автомобиль в деревне.

- До деревни не меньше часа пешком.

- А сноубайк на что? - дернув плечом, ухмыляюсь я.

Ближайшую часть трассы в это время постоянно заносит и есть риск застрять в доме надолго. Поэтому снегоход с мощным мотором и гусеничной платформой - единственный надёжный транспорт, на котором можно выбраться отсюда даже после снежной бури. И нет, я не собираюсь давать скидку, на то, что крошка не могла этого знать, отправившись за город в самое снежное время года на своей почти игрушечной машинке.

- Сноубайк я тоже не заметила, - качает головой недоверчивая гостья. Подняв руки, она скручивает в пучок подсохшую копну волос.

- Потому что он в гараже, - отвечаю, тяжело вздохнув, раз пятисотый за последние полчаса.

Развернувшись, прохожу к огромному старому деревянному шкафу с резными створками. Практически подпирающий потолок, немного покосившийся набок, но гордо несущий на свои плечах плотный налет вековой пыли. Ему столько же лет, сколько самому дому. Можно смело назвать уродливого гиганта антикварным семейным наследием. Он уже стоял здесь, когда я только учился ходить, а мой отец рассказывал, что прятался в шкафу от старшего брата, когда был ребёнком.

- Но ты же слышал, как я подъехала? Почему не вышел? Затаился и наблюдал? - засыпает меня вопросами говорливая малышка. Она, случаем, не блондинка? Как-то упустил из внимания этот момент, пока занимался ее спасением.

- Ты меня раскусила, детка. Я - серийный маньяк. Сдаю дом тощим малявкам, не способным оказать физическое сопротивление, прячусь в кустах, дожидаясь, когда они пойдут топиться, а потом жестоко нападаю, вытаскивая, безвольных и обмороженных, из проруби, - выдаю циничный монолог.

– Ни один маньяк не признается в том, что он маньяк. Так что напугать меня у тебя не вышло.

– Я еще не начинал пытаться, – усмехаюсь в ответ. – Не стоит меня провоцировать.

Потрескавшиеся лакированные дверцы скрипят, когда я проворачиваю искривленный ржавый ключик, застрявший в личине. В нос ударяет запах отсыревшего табака и истлевших от времени медицинских книг и журналов. В груди привычно щемит, дышать становится тяжело. Нет страшнее призраков, чем те, что родом из детства. Я много лет сюда не заглядывал. Со дня похорон отца. Это его документальная коллекция, которую он спрятал, когда решил бросить карьеру хирурга и спрятаться в глуши.

– И все-таки не хочу знать, почему ты не вышел, когда я въехала на территорию, – настаивает неугомонная.

– Решила устроить дорос с пристрастием? – отстранённо уточняю я.

Приступ гнева заметно поутих, в отличие от разгулявшейся пурги, зловеще и с упоением завывающей в дымоходе и грохочущей во дворе незапертой дверью сарая.

– Я хочу понять...

– Это мой дом! – обрываю Снежинку на полуслове. – Моя гостиная, моя елка, мой пес, мой халат, и мое гребаное одинокое Рождество.

– Поверь, мне тоже твоя компания малоприятна, – притихшим голосом отзывается малышка.

– Я вообще-то спас тебе жизнь. Могла бы из благодарности отвесить пару грамм женской мудрости, – резонно замечаю я.

На ощупь отыскав на средней полке увесистый фонарик, проверяю его исправность. Тускловат, но лучше, чем ничего. До утра заряда должно хватить. Сунув находку в задний карман джинсов, достаю толстые восковые свечи, все,

что имеются в наличии. Выставив на круглый стол в центре гостиной, снова запираю шкаф-долгожитель, хранящий в себе много тяжелых воспоминаний, неисполненных надежд, и похороненных амбиций. Не моих... Свое кладбище ошибок и несбывшихся желаний я ношу при себе.

- Ты столько раз оскорбил меня, что моя мудрость не готова отвешиваться в ответ на беспричинное хамство.

Снежинка никак не желает успокоиться, продолжая назойливо жужжать мне в затылок. Может быть, это такое наказание или очередное подтверждение, что тишина и женщины – понятия несовместимые?

- И снова ошибаешься. Ты вторглась на мою частную территорию, – сдержанно отвечаю я, отпустив градус бешенства до минимальной отметки. – Для хамства причин более чем достаточно.

- Повторяю для глухих: я заплатила за аренду! – взрывается пигалица, чуть ли не выпрыгивая их халата.

Похоже, моя вернувшаяся сдержанность вызывает обратный эффект. Интересно, а она превратится в ведьму, если я перейду к вежливой манере общения?

- Докажи. Документы, чеки. Может быть, договор? Есть что-нибудь, кроме голословных заявлений? – поочередно зажигая свечи, вкрадчиво любопытствую я.

- Все хранится в электронной почте, но сеть вырубил. Я звонила миссис Спаркл, как только приехала, но ее номер не отвечал. Что ни капли не удивительно! Сегодня Рождество. Люди проводят его в кругу семьи ...

- Или так как считают нужным, – отрезаю я.

- Что я должна сделать, чтобы ты перестал бросаться на меня, как дикарь? – устало спрашивает Снежинка, отрешенно и измученно наблюдая, как я расставляю свечи по гостиной. – Уйти пешком в деревню и замерзнуть? Зачем тогда вытаскивал из ледяной воды?

– Могу отвезти, – невозмутимо предлагаю я. – До деревни, – добавляю, если она решит, что я рвану в город на ночь глядя. Пусть не обольщается. Все мои благородные порывы закончились на берегу озера.

– В халате?

– Ты приехала совсем без вещей? – иронично уточняю, показывая взглядом на лестницу, ведущую наверх. – Кажется, я видел чемодан в спальне.

– Только не говори, что и спальня твоя.

– Угадала.

– Сумасшедший дом, – матерное ругательство срывается с губ незваной гостьи быстрее, чем она успевает одернуть себя.

– Абсолютная клиника. Я доктор, малышка. Обращайся, если нужна помощь, – в первый раз за время нашего неоднозначного знакомства позволяю себе одобрительный смешок.

– Надеюсь, что не патологоанатом? – спрашивает несчастным тоном.

Я отрицательно качаю головой.

– Психиатр? – а теперь уже в ее глазах неподдельный страх. Забавно.

– Нет, – взрыв невольного смеха удивляет меня не меньше, чем Снежинку. Однако она никак не комментирует приступ моего веселья, а, подавленно вздохнув, переводит взгляд на пламя свечи, которую я только что поставил на столешницу камина.

Задумавшись о своем, девушка не спешит отпрянуть, хотя я нахожусь в непосредственной близости и даже чувствую запах ее духов. Легкий и тонкий аромат: что-то свежее, морозное и такое же колющее, как снежинки, танцующие за пределами дома, разбивающиеся о покрывшиеся инеем стекла. На льду она порхала точно так же. Снежинка и есть!

– А как докажешь, что ты хозяин? В Рождественские праздники оставленные хозяевами дома часто попадают под особое внимание грабителей, – не выдержав и минутного молчания, заговаривает пигалица.

Ее лицо, освещенное желтоватыми бликами, осеняет новая безумная идея, как вывести самозванца на чистую воду. Порывисто вскинув голову, она, наконец, замечает, насколько близко я стою и инстинктивно отступает на шаг назад, старательно избегая взглядом мой голый торс. Думаю, я нравлюсь ей больше, чем она пытается продемонстрировать своей склочной манерой поведения. Пугливый, колючий снежинистый ежик. Я безмятежно улыбаюсь. Вор-домушник – это что-то новенькое. Надо отдать должное малышке – фантазия у нее работает, язык, как помело... подвижные полные губы, глазищи такого же оттенка, как иголки на новогодней елке – рассмотрел спасибо отцовский запасливости на все случаи жизни.

– Про грабителей это не я придумала, а статистика сводок новостей, – стушевавшись, бормочет крошка.

Я, молча, протягиваю руку к столешнице за спиной Снежинки. Как раз над ее плечом. Она пугливо дергается, распахивая ресницы и настороженно отслеживая каждый мой жест. Ни слова не говоря, поднимаю перевернутую старую фотографию в рамке и сдвигаю поближе к свече.

– Это я, – не сводя взгляд с напряжённого лица девушки, показываю пальцем на долговязого пятнадцатилетнего парня с длинной челкой в клетчатой рубашке на выпуск и потертых джинсах и высоких ботинках. Я широко улыбаюсь в камеру, демонстрируя фотографу подстреленную утку. – А мужчина рядом – мой отец.

– У него в руках ружье, – нервно замечает Снежинка.

– А у меня добыча. Мы часто охотились вместе.

– А твоя мама?

– Она фотографирует.

– Ясно, – коротко кивает, вглядываясь в снимок. – Ты ...хмм возмужал.

- Прошло двадцать лет. Это естественные изменения.

- Тебе ... - она переводит на меня изучающий взгляд. - За тридцать.

- Под сорок, - отвечаю я, забавляясь над безыскусными попытками гостыи угадать мой возраст. Между аккуратными бровями девушки пролегает озадаченная морщинка, а я в свою очередь замечаю белесый шрам на правом виске, и еще один едва различимый, чуть ниже - возле уголка глаза. - Я же сразу сказал, что ты мне не по размеру, кроха.

- Кроха? Мне двадцать пять, а не десять, - снова заводится Снежинка.

- Выглядишь на пятнадцать, - отзываюсь с ухмылкой.

Немного кривлю душой. Девчонка молоденькая, худенькая, но то, что она давно не ребенок - сомнений не возникает. С такими-то губами... Какого хрена меня на них так заклинило? Если быть до конца объективным, то и ножки не тощие, а точеные. Стройная девочка, гибкая, видел в действии. Можно только пофантазировать, как она гнется в постели, а проверять - чревато последствиями. Миниатюрная слишком, хотя зачетная задница имеется в наличии и по упругости самое то - пока раздевал, успел на ощупь оценить.

Ее вызывающий взгляд утопает в моем, считывая невидимые импульсы мужского возбуждения. Напряжение накаляется, становится тяжелым и опасно трескучим. Еще этот проклятый полумрак, трепещущие золотые блики на выразительном лице, ощущение нереальности и чего-то необъяснимого. Или я виски успел глотнуть до ее появления?

Вроде нет, но признаки опьянения на лицо.

- Может, ты наденешь футболку? - внезапно просит Снежинка, незначительно охлаждая прилив похотливого настроения. Немного поздноватое, потому что разыгравшееся воображение успело шарахнуть по основным инстинктам, ощутимо натянув ширинку на джинсах. Какой-то вечер неуместных черных приколов. Только взрыва тестостерона в Рождественскую ночь мне и не хватало.

Поработал спасателем безмозглой дурочки, а теперь можно и хорошо потрахаться.

Идеальный сценарий?

Супер. Но не для меня.

- Твои родители куда-то переехали? – еще один неожиданный вопрос вызывает резкий всплеск раздражения.

- Да, – хмуро киваю я. – На кладбище и вряд ли вернуться.

- Давно? – проигнорировав мой намеренно грубый тон, уточняет любопытная Снежинка.

- Обычно в такой момент говорят что-то типа «сожалею», «мне жаль», или «это так печально», – смерив Снежинку беглым взглядом, собираюсь снова перевернуть рамку, но она неожиданно протягивает руку и останавливает меня, перехватив запястье, и мы, не сговариваясь, задерживаем дыхание, ошеломленно уставившись друг на друга. Тепло ее пальцев ощущается слишком... правильно. Аромат снежно-одурманивающих духов накрывается тончайшим шлейфом, впитывается в поры, просачивается в эротические фантазий, мелькающие перед глазами со скоростью света.

Забываю, о чем, мы говорили секунду назад. Мысль ускользает, ныряя в неизведанный портал, полюса смещаются, течение времени замерзает в мшисто-зеленой пучине пронзительных глаз. Кофейные крапинки на радужке образуют замысловатые узоры, и мне снова мерещатся танцующие снежинки.

Может, ну его к чертям этот мальчишник? Разложить Рождественский нежданчик» на столе или под елкой, и опровергнуть собственное поспешно брошенное заявление, что мой размер для нее великоват.

По глазам и губам вижу, что поспешил я с выводами. Для того чтобы кружить и прыгать на льду, нехилая растяжка нужна и многолетние тренировки. А значит, закалённая, старательная пигалица в мою прорубь угодила. Такие не сдаются, всегда стремятся прийти к старту первыми. Я бы посмотрел, как она

финиширует и фору бы обеспечил.

– Пусть стоит так, – сдвигаю брови, не сразу осознав, что имеется в виду под сказанной фразой. Ладно, хоть хватает ума, удержать пошлый комментарий, дослушав до конца. – Рождество – семейный праздник, – речь идет о фото в рамке. – Как бы ни было тяжело, мы не имеем права их забывать. А «типа сожаления»... они не работают, – Снежинка выжимает из себя натянутую улыбку.

Я молчу, потому что ничего разумного в голову не идет. Она права по-своему, и я тоже не сторонник «типа сожалений», но это не та тема, что я хотел бы с ней обсуждать в канун Рождества. Все откровения исключительно наедине с собой, псом и ведром алкоголя.

– Ненавижу пустые вежливые утешения, – поясняет свой порыв созидательница моих аморальных грез. Разорвав физический контакт, смущенно отступает на шаг назад. – Жаль, что гирлянду нельзя зажечь, – кивает в сторону рождественской елки. Я не согласен, что нельзя. В стеклянных шарах, вспыхивая, отражаются ржавые блики расставленных по гостиной свечей. В мерцающем полумраке украшения как будто бы оживают.

– Она по-своему горит, – замечаю заметно севшим голосом.

Девушка кивает, первый раз за все время, не оспаривая мои слова. При этом выглядит такой беззащитно крошечной в моем огромном халате, что хочется сделать для нее что-то хорошее.

Хорошее? Чьи это мысли? Да я свихнулся! Отвезти в деревню, а там пусть сама разбирается, когда и как отгонит свою машину от моего дома.

Я свалил из города, чтобы нажраться в дрова, в гордом одиночестве стереть из памяти очередной поганый год, и нет ни одной сраной причины, чтобы я изменил свой оху*нный план на ближайшие сутки.

Болтливые губастые любительницы искупаться в коньках – мне на хрен не сдались. Только я, мой пёс и ведро алкоголя. Неизменное трио на все времена. Почему из-за какой-то полоумной пигалицы я должен отказываться от самого пьяного мальчишника в своей жизни?

– Я могу сварить кофе, – сам в шоке, но действительно именно это говорю вслух. Снежинка изумлённо смотрит на меня, воровато сползая взглядом к ремню на джинсах. Она это специально?

– Если хочешь, конечно, – и это тоже я.

Никто за язык не тянул. Сам.

Точно поехал головой и тем, на что она сейчас пялится, но если взглянуть с другой, непредвзятой стороны, то вполне вероятно у малышки шок. Меньше часа назад ее жизнь могла завершиться на дне озера, и везти ее сейчас сквозь ледяную пургу – по-свински жестоко даже для такого бессердечного говнюка, как я.

– На дровах? – прочистив горло, уточняет девушка. Про дрова она вовремя напомнила. Надо бы подбросить, пока огонь не погас, иначе окочуримся тут до утра.

– Я вырос здесь, Снежинка, и пережил не одно отключение электричества. Каждый год собираюсь починить генератор. Руки никак не доходят, – настырный взгляд каре-зеленых глаз выразительно изучает мои плечи и «не достигающие» руки.

– Я согрелась, но не откажусь от вина, – робко кивает, виртуозно разыгрывая святую невинность. Так я и поверил, кроха. – В холодильнике есть продукты. Я привезла.

– Закуска лишней не бывает, – достав из заднего кармана фонарик, включаю его и направляю луч к темной лестнице. – Ты осваивайся, я схожу наверх.

– Хорошо, – поспешно отзывается Снежинка. – Подожди, а для Балто есть еда?

– Я не помню, чтобы говорил тебе кличку собаки, – остановившись в центре гостиной, резко оглядываюсь, хмуро взирая на девчонку, склонившуюся над псом. С безмятежным выражением лица она почесывает лохматый бок моего Балто, а блохастый предатель даже не пытается пойти за мной следом.

- Неужели угадала? – спрашивает Снежинка, подняв голову. – Ему подходит, – добавляет, расплываясь в довольной улыбке.

- Собачий корм в кухне, в ящике, над мойкой, – сообщаю я. – Постарайся не перебить всю посуду, Снежинка. Ее осталось и так мало.

- Не собираюсь я ничего бить, – возмущенно летит мне в спину. – И я не Снежинка, а Адалин. Хотелось бы и твое имя узнать.

- Оно написано прямо на тебе, Снежинка, – ухмыляюсь я, не оглядываясь.

Очередная проверка? Все еще сомневается насчет вора-домушника? Она действительно считает меня настолько одноклеточным? Я не конченный идиот, чтобы подsunуть свои семейные фото, но упустить из внимания халат с чужим именем.

- И, да, Снежинка, – замедлившись на середине лестничного пролета, как бы невзначай бросаю я. – Уверен, что ты очень хотела спросить, но так и не осмелилась, – делаю многозначительную паузу, затылком ощущая сверлящий взгляд. – Ружье все еще в доме, – запускаю ответную пулю. – Это так, для твоей новостной статистики.

Поднявшись в спальню, освещаю себе путь через разбросанное женское шмотье, замечая раскрытый неразобранный чемодан на кровати. Моя спортивная сумка, с которой я приехал, скромно стоит на стуле в самом углу. Неудивительно, что Снежинка ее не заметила. Испутив тяжелый вздох, закидываю свои пожитки на плечо и скрепя сердце, отправляюсь в смежную спальню. Не привык уступать свое место чужакам, но собирать бабское белье по всей комнате – так себе перспектива.

В первую очередь проверяю второй мобильник на наличие связи. У меня их всегда два. Один – для вызовов по работе, другой личный. Разбил я – последний, что к лучшему. Хотя сети один хрен нет, гудок не идет, интернет тут и раньше ловил только в избранных местах, а аварию вряд ли ликвидируют в ближайшие часы. В этом есть свои плюсы. По крайней мере, Сил не испоганит настроение, заваливая слезливыми сообщениями. Еще одна дурная баба на мою травмированную психику.

Утром, загружая в такси свою грудку чемоданов, Сильвия чуть ли не на Библии клялась, что на этот раз точно сваливает от меня с концами, десять раз пожелала мне счастья, не забыв напомнить, какой я на самом деле гондон, угробивший ее жизнь и спустивший в унитаз лучшие годы.

Спорить бесполезно, частично Сильвия права. В дерьмовом браке дерьма хлебают и производят оба и ровно пополам.

Но это я теперь стойкий оловянный солдатик, закалённый и заматеревший, а когда она уходила впервые, я повелся, как доверчивый идиот. Переживал, искал, хотел попытаться подлатать ошметки наших отношений. Не сдавался, думал наладится, держа в голове показательный пример родителей.

У мамы был сложный характер, но без нее отец жить не смог. Наверное, бывает такая роковая любовь. Один раз и навсегда. Я же довольно быстро понял, что мы с Сильвией из другой мыльной оперы. Вероятно, бразильской.

Когда она ушла второй раз, я вдруг понял, что очень даже могу жить без жены, и даже как-то дышать становилось легче. Имелось одно существенно мешающее моему полному освобождению – но.

Сильвия всегда возвращалась.

Через месяц или неделю, иногда меньше.

Слезы, раскаяние, клятвы, обещания, просьбы дать последний шанс нашему браку, плавно переходящие в угрозы и бесчисленные упреки с зачитыванием полного списка моих косяков, а следом демонстрация нового развратного комплекта нижнего белья и примирительный секс, из-за которого я ее в принципе и терпел последние годы. Когда ты на работе проводишь семьдесят процентов своего времени, а домой заходишь поесть, поспать и снять напряжение, то неплохой секс – это немаловажная причина. Если бы не истерики и скандалы Сильвии, можно было бы назвать наш брак удобным партнерским союзом.

В этот раз, Сил побил все рекорды, одумавшись через шесть часов. Первый звонок застал меня на трассе. В одном уверен – она не припрется сюда в пургу. Моя смелая самонадеянность базируется на знании, что Сил до нервной тряски

ненавидит этот дом и дорогу к нему. Поэтому только здесь я могу не беспокоиться за свое уединение.

Мог... пока одна снежинистая мелкая пигалица с зачётными губами и упругой задницей не заявила, чтобы выгулять свои ржавые коньки в моих скромных владениях.

Недолго насладившись минутами тишины в темноте, разрезаемой тусклым лучом фонарика, я все-таки спускаюсь вниз. Стараясь не скрипеть ступенями и передвигаться практически бесшумно, что очень сложно сделать, учитывая массивную физическую комплекцию, я незаметно пробираюсь в коридор. Бегло глянув на суетливо кружащую вокруг стола Снежинку, быстро сворачиваю в техническую подсобку. Хочу проверить автоматы в тщетной надежде, что поломка произошла в доме. Вероятность – нулевая, но попробовать стоит.

Открыв щиток, пару минут созерцаю содержимое с фонариком в зубах, и, убедившись, что от моих виртуозных навыков в электромонтаже ничего не зависит, с чувством выполненного долга возвращаюсь в гостиную.

Снежинка в этот момент как раз ставит бокалы на белоснежную скатерть с традиционным рождественским рисунком. И где она ее только откопала? Занятая приготовлениями, девушка снова не замечает моего присутствия, хотя я стою прямо за ее спиной. Напевая что-то под нос, она любовно раскладывает вилки, сдвигает к краю ведерко со льдом и торчащими из него бутылками. Балто – хитрый Иуда, виляя хвостом, трется возле Снежинки и носом не ведет в сторону хозяина. Совсем старичок нюх потерял.

А я все думаю, какой голос у нее приятный, мелодичный. Песенка знакомая. Невольно прислушиваюсь, вновь попав в поле влияния снежинистого аромата. Синатра. Да, точно он. Резко задрал голову, кроха поправляет омелу, закреплённую на темном абажуре.

– Отлично, – удовлетворённо хмыкнув, бормочет Снежинка. – Но при свете было бы лучше, – добавляет шепотом.

Согласен, кроха. Лучше, теплее и индейку могли бы разогреть.

Пытаюсь напомнить себе, почему она, вообще, здесь? Я про девушку, а не индейку.

Когда я успел стать таким добрым и гостеприимным?

Сложный вопрос.

Очень сложный. Оставлю-ка я пока его без ответа. Может быть, после порции виски, размышлять станет проще и быстрее.

Устав ждать, когда Снежинка меня заметит, я оглядываюсь по сторонам, и замечаю... перемены. Женщины и перемены – всегда идут в комплекте. Одного без другого не бывает. Проверено на личном опыте.

Снежинка переставила свечи. Убрала те, что стояли на камине и полукругом расположила перед елкой. Стол полностью сервирован. Со вкусом и в духе праздника. Шампанское стынет, вискарь запотел, колокольчик на покачивающейся от гулящих сквозняков омеле недвусмысленно позвякивает, намекая, что у меня есть железный повод познакомиться поближе со взбаламутившими мое воображение губками Снежинки. В общем, романтика так и прет из всех щелей, вместе с пресловутыми сквозняками. Разве что подвешенных к потолку Снежинок не хватает. Маньячные мысли? Да ни хрена. У каждого своя романтика.

Вот кто ее просил?

А тут напрашивается еще одно железобетонное правило. Да-да, оно самое. Женщины и романтика – нерушимый тандем. Бери или беги.

Аккуратно сложенные салфетки, приборы по всем правилам. В центре потрескивают три свечи, в тарелках тонко нарезанные свежие овощи, сборная солянка из нескольких сортов сыра и колбасы, на специальной многоярусной посудине красиво разложены виноград, мандарины и груши. А на маленьких ступнях незваной гостьи теплые красные рождественские носки, и тематические крошечные трусики под моим халатом я тоже не забыл. Идеальный комплект. Осталось только распаковать... точнее откупорить бутылку шампанского, что я и собираюсь сделать, выходя из тени и раскрывая свое никем незамеченное присутствие:

- Присядь, Снежинка. От твоей беготни мельтешит в глазах.

- Боже! - подпрыгнув от неожиданности, девушка резко оборачивается. -
Напугал!

- Женщины обычно находят меня привлекательным, а не устрашающим, -
невозмутимо и не без самодовольства сообщаю я, взяв из ведра со льдом
бутылку игристого.

- Только те, кому не посчастливилось с тобой пообщаться, - с вызовом бросает
кроха, наблюдая, как я откупориваю шампанское.

Чтобы занять чем-то руки и снять волнение, девушка угощает Балто кружком
ветчины с тарелки. Тот глотает его, даже не жуя, предано заглядывая в лицо
Снежинки.

- Балто, место! - команду променявшему меня на кусок колбасы псу. Лениво
перебирая лапами и понуро опустив морду, предатель отходит от стола и
разваливается на брошенной возле старого кресла-качалки искусственной
шкуре.

Разлив напиток по бокалам и отодвинув стул, я лениво опускаюсь на сиденье.
Раздается характерный скрип, на что гостя мгновенно реагирует очередной
колкостью.

- Медведь!

- Сосулька, раз Снежинка не нравится.

- Меня зовут Адалин!

- Ледышка, - издеваюсь я.

- Идиот, - шумно вздохнув, качает головой девушка, опускаясь на второй, не
менее скрипучий стул, но ее жалкий вес он выдерживает бесшумно. - Да бог мне
терпения вынести твою компанию до утра.

– Интересная молитва перед Рождественским ужином, – ухмыляюсь в ответ. – Присоединяюсь.

– Давай поедим молча. Не хочу, чтобы кто-то из нас подавился, – качнув головой, она тянется за своим бокалом и нервным жестом подносит к губам. Пьет маленькими глотками, не дождавшись тоста, и бросая на меня хмурые взгляды. Пригубив свой напиток, я демонстративно морщусь, и достаю из ведерка ледяную бутылку виски. Наливаю себе треть стакана, и опрокидываю половину порции.

– Ты не только грубиян, но еще и алкоголик? – интересуется Снежинка, не выдержав напряженной тишины.

Подцепив вилкой кусок сыра, засовываю его в рот и медленно пережевываю, неотрывно глядя на губы девушки, что еще больше нервирует гостью. Не дождавшись от меня никакого ответа, она хватается с края стола свой мобильник и с досадой смотрит на экран.

– Черт, еще и батарея садится.

– Отключи. Связи все равно нет, – пожимаю плечами, с любопытством рассматривая расстроенную мордашку.

Симпатичная девочка. Очень. Нет, не роковая разбивательница сердец с убивающей наповал аурой секс-бомбы. Такие милые и внешне беззащитные малышки берут совершенно другим и держат мужиков за яйца еще крепче, чем обладательницы модельных параметров. В первом случае срабатывает инстинкт защитника, во втором – охотника. Оба достаточно сильны. Эффект воздействия зависит только от того, какой больше преобладает в конкретном индивидууме. Моя работа заключается в спасении жизней, поэтому тут все очевидно. Нырнув в ледяную воду за этой полоумной, я, похоже, все-таки заглотил крючок, вытаскивая на сушу эту маленькую рыбку.

– Ждала звонка от кого-то важного? – нейтральным тоном любопытствую я, осторожно прощупывая почву.

– Нет, – как-то слишком быстро отвечает Снежинка.

- Кто-нибудь знает, где ты собиралась провести Рождество?

Она вскидывает голову, подозрительно прищурившись. Бьюсь об заклад, сейчас она вспоминает мои слова про ружье, которое все еще в доме.

- Ты же понимаешь, что подобные вопросы не помогут мне расслабиться? - в лоб спрашивает Снежинка.

- Есть один способ, который наверняка заставит тебя расслабиться, кроха, - развратно ухмыляюсь я, сползая взглядом с полных губ девушки к наглухо запахнутому вырезу халата. Прятать там особо нечего, но размер не всегда имеет значение, если речь о женской груди. Куда важнее форма и чувствительность.

- Похабник, - фыркает Снежинка, прячась за свой бокал с шампанским.

- Я еще ничего не предложил, а ты уже размечталась, - насмешливо подливаю масла в огонь, опрокидывая в себя остатки виски.

- По ходу, размечтался ты, - дерзко парирует девчонка. - Расслабься, ты не в моем вкусе, Викинг.

- Вернемся к этому разговору, когда ты допьешь шампанское, - я наполняю бокал Снежинки, а потом наливаю себе из другой бутылки. - Алкоголь имеет свойство приукрашивать реальность и наделять притягательными чертами тех, с кем ты его употребляешь.

- Чтобы запасть на тебя, мне понадобится ведро, - насмешливо бросает девушка. - К тому же у меня есть парень.

- Звонка, от которого ты не ждешь, - подмечаю я с ироничной улыбкой, ни на йоту не поверив в ее заявление.

- У всех бывают ссоры, - пойманная на лжи малышка, отводит взгляд. Засовывает в рот виноградину, запивая большим глотком шампанского. Я молчу, она комкает в руках бумажную салфетку. - Мы расстались, - сдается с тяжелым вздохом. - Но я не расстроена и не нуждаюсь в утешении, - торопливо добавляет

она, выстрелив в меня предупреждающим взглядом. – И я сама его бросила.

Я лениво выгибаю бровь, откидываясь на спинку стула. Тот снова «раздавлено» скрипит.

– Все к лучшему. Отношения, которые ведут в никуда, надо обрезать, когда это становится очевидным хотя бы для одного из партнёров.

– Тут я соглашусь.

– Правда? – удивленно взглянув на меня, Снежинка роняет кружок ветчины, который собиралась съесть.

– Да, – киваю я. – Но не всегда легко это сделать, а иногда и не хочется, потому что привык и удобно, – Ее внимание перетекает на мои пальцы. Сначала на одной руке, потом на другой и снова концентрируется на лице. – Я не ношу обручальное кольцо, – отвечаю на немой вопрос, прочитанный в распахнутых глазах Снежинки.

– Почему? То есть...ты женат? – на ее лице появляется обвиняющее и возмущенное выражение, словно я ее страшно обманул и использовал. Расслабься, кроха, я ничего еще не успел.

– Да, Снежинка. Состою в официальном браке.

– Давно?

– Давно, – решаю не шокировать гостью юбилейной цифрой.

– И дети есть?

– Нет, – качаю головой, невольно поморщившись. Проницательная малышка тут же замечает мою реакцию.

– Больная тема?

- Уже нет, - отрицаю я. Отчасти так и есть.

- И где она? Твоя жена?

- Во Лондоне. Улетела утром.

- Почему ты не полетел с ней? Поссорились?

- Тебе действительно так интересна моя личная жизнь? - иронично интересуюсь я, заметив, что Снежинка перестала клевать фрукты и напрочь забыла про шампанское.

- Чем-то нам нужно развлекать себя, пока не закончится метель? - объясняет свое разгулявшееся любопытство. - Мы тут заперты, Лэндон, - напоминает о том, что довольно проблематично забыть. - А завтра разойдемся в разные стороны. Почему бы не поболтать?

- Тогда давай начнем с тебя, - предлагаю я, положив локти на стол и наклоняясь вперед. - Что не так с твоим парнем?

- С ним все так, - сделав глоток шампанского, отвечает Снежинка. - Недостатки есть у всех, но они не раздражают так сильно, если ты любишь человека, который находится рядом. Злишься, споришь, но не чувствуешь... отторжения и пустоты - вот здесь, - она порывисто прижимает ладонь к груди, на щеках вспыхивает хмельной румянец. - У нас были как непростые, так и замечательные моменты, когда казалось, что шанс построить будущее с этим мужчиной есть. Я искренне пыталась его полюбить, но, увы, чуда не произошло, - с сожалением разводит руками. - Ему сейчас сложнее, потому что он не понимает, почему я так поступаю.

- Женщин вообще сложно понять. Невозможно, я бы сказал. Особенно тех, кто ждет появления великой любви. Некоторые самонадеянные индивидуумы верят, что понимают, но они такие же профаны, как и все остальные, - немного цинично заявляю я.

- А что плохого в том, что мы хотим любви?

– Женщины всегда чего-то хотят, Снежинка. Любви, денег, сильного плеча, красивых ухаживаний, крутого секса, незатухающей страсти, острых впечатлений, зашкаливающих эмоций, и следующими пунктами, как ни странно, идут: стабильность, уверенность, понимание. Список можно вести до бесконечности. И все их «хочу» должен удовлетворить мужчина. Если один не справляется, то можно запрячь сразу нескольких.

– Ты утрируешь, – возражает Снежинка, подставляя опустевший бокал, который я галантно наполняю. – Есть же амбициозные женщины, посвятившие жизнь карьере, а не поиску исполнителя желаний.

– Есть, – не оспариваю я. – Но секса они тоже хотят и сильного плеча, и острых впечатлений...

– Ты невозможный тип, – бесцеремонно перебивает Снежинка.

– А чего хочешь ты, Адалин? – уйду от спора обо всех женщинах, к одной конкретной, буравящей меня негодующим взглядом. – Когда, как не в Рождество, говорить желаниях?

– Волшебства, – подумав пару секунд, выдает Адалин и сердито хмурится, услышав вырвавшийся у меня смешок.

– Прости, но Санта-Клаус сломает всю голову, чтобы засунуть в мешок «волшебство», – иронично отзываюсь я. – Ладно, закроем этот вопрос. Скажи, чего ты больше всего боишься?

– Одиночества, – без раздумий, отвечает Снежинка.

– И поэтому приехала сюда абсолютно одна? – позволяю себе усомниться в ее заявлении.

– Я приехала сюда, как ты верно заметил, ... абсолютно одна, – она прерывается, осушая очередной бокал. – Я приехала сюда, чтобы вспомнить о тех моментах, когда не знала, что такое одиночество, – в бархатно-зеленых глубоких глазах появляется уязвимое печальное выражение, вызывающее во мне острую потребность стереть его и заменить чем-то иным, пусть даже злостью – на меня.

– Ты выбрала чертовски неподходящий момент, Снежинка, и не тот дом. Не повезло, одним словом, – мои слова вызывают ожидаемую реакцию. Она раздраженно фыркает, бросая на меня вызывающий взгляд.

– Ты не любишь ее? Свою жену? Про нескольких мужчин ты же не просто так сказал. В Англию она не одна уехала. Так?

– Мы все еще говорим о тебе, – холодно напоминаю я, напряженно стиснув зубы. – И о твоих ожиданиях вселенской волшебной любви. Ты так много рассуждаешь о том, чего сама не чувствовала.

– Неправда! – запальчиво опровергает Снежинка. – Я влюблялась. Очень сильно, но это было давно, и... – ее лицо омрачается грустными воспоминаниями. – Все, что происходило позже, не шло ни в какое сравнение с тем, первым...

– Он тебя бросил? – в лоб спрашиваю я.

– Он меня даже не знал..., – отрицательно качнув головой, печально отзывается Адалин.

– Тогда это глупость, Снежинка, а не любовь. Любовь – всегда взаимное чувство.

– Ты не понимаешь...

– Ты придумала себе «волшебство», потому что бежишь от реальности, от проблем, которые нужно решать здесь и сейчас, не рассчитывая на «чудо». Ты просто трусиха, Снежинка.

– Меня зовут Адалин, – сквозь слезы произносит она, бросая в меня скомканной салфеткой.

– Я не хотел тебя обидеть, – миротворческим тоном предпринимаю попытку извиниться, что мне не свойственно, но сейчас я действительно чувствую, что перегнул палку.

– Я уйду спать, – она порывисто поднимается со стула, убивая на корню мои благие порывы.

– Снова бежишь? – саркастично интересуюсь, окинув Снежинку ленивым взглядом.

– А знаешь, нет ничего удивительного, что жена наставляет тебе рога, – пытается побольнее задеть меня колючая Снежинка. – Я и часа с тобой не продержалась. Мне ее искренне жаль, – сердитая и грозная, она неловко оступается, запнувшись за подол слишком длинного халата, и застывает, уставившись на меня воинственным взглядом.

Где-то в глубине дома старинные настенные часы отбивают полночь. Я был уверен, что они давно сломаны. Свист и вой за окном усиливается, бросая в дребезжащие стекла белые хлопья. Свечи гаснут одна за другой от пролетевшего по гостиной сквозняка, а огонь в камине, напротив, вспыхивает ярче, словно кто-то невидимый подбросил в топку дров.

Отморозившись, Снежинка быстро огибает стол с моей стороны, собираясь сбежать вверх, но у малышки нет ни малейшего шанса это сделать. Поймав тонкое запястье, я рывком усаживаю ее к себе на колени, и, не дав брыкающейся крохе опомниться, сгребаю в жадные объятия, исполняя свое «волшебное» желание. Она не успевает даже возмущенно пискнуть, прежде чем я набрасываюсь на сексуальный рот, сминая губы требовательным поцелуем.

Глава 2

Снежинка

Я не успеваю и глазом моргнуть после иронично брошенного оскорбления, как оказываюсь в стальном плену сильных рук Викинга.

Почти полное отсутствие света обостряет все органы чувств до предела, как и тот факт, что мы знакомы от силы час.

Все пространство вокруг сжимается до двух тесно сплетенных тел и тактильных ощущений: рельефные предплечья под моими пальцами, его сила, губы и язык

Лэндона внутри моего рта. Мощь мужского тела наотмашь бьет волнами, сокрушительными вибрациями, которых мне так не хватало.

Я пытаюсь вырваться, отчаянно задыхаясь...а когда успеваю дышать, ощущаю запах его кожи, и дурею от того, что он так сильно дурманит, влечет, обволакивает меня. Мускусные и коньячные ноты, сдобренные цитрусовыми оттенками, действуют на меня, как чертов афродизиак, от которого мне срочно требуется противоядие. Внутривенно, немедленно. Иначе сойду с ума и натворю глупостей, о которых буду очень сильно жалеть завтра утром.

Викинг сильнее сжимает мои бедра. Издает низкий рык, нащупывая полушария ягодиц ладонями и клеймя мою шею своим жадным ртом. Я сопротивляюсь любым попыткам этого извращенца заняться со мной спонтанным сексом без смысловой нагрузки, но любая дополнительная возня на коленях Викинга делает его эрекцию только тверже и сильнее, заставляя меня краснеть, мычать, вырваться и хныкать. Дрожать, сгорая от желания сдаться в плен, шагнуть в это разбушевавшееся пламя.

В конце концов, я таю под его жестким натиском. Язык Лэндона без разрешения вторгается между моих губ. Уже по манере его поцелуев, я примерно могу представить, насколько жестко и напористо он будет меня трахать. Черт... ну зачем я об этом думаю? Мое тело наливается жаром, чувственно откликается, вопреки доводам разума. Простонав в его губы, отвечаю Лэндону горячими ласками языка – инстинктивно, произвольно, неправильно. Порочно, распущено, жадно. Голос разума робко пробивается сквозь туман похоти только, когда Викинг смахивает с моего плеча ткань халата, недвусмысленно заявляя о своем намерении поиметь меня за Рождественским столом.

Рождественская романтика, мать его! Да пошел он!

– Занималась когда-нибудь сексом под елкой? – дав мне выдохнуть, хрипло спрашивает Лэндон возле моих губ, обжигая своим горячим дыханием. Я снова ерзаю на его коленях, ощущая, как низ живота схватывает от возбуждения. Мужчина кажется высеченным из камня, настолько напряжены все его мышцы, особенно та, что упирается в мои ягодицы. – Еще и при свечах, я твой личный Санта, кроха. Оседлаешь меня? Или хочешь, чтобы я тебя волшебным образом оттрахал?

Черт, да. Кажется, именно этого я и хочу прямо сейчас. Мне почти не стыдно, и слишком приятно, чтобы взять и остановиться, оторваться. Я так истосковалась по мужскому плечу, силе, дерзости и жадности. Почему бы и не отдаться порыву? Живем один раз. Все так просто: бери от жизни все, пока у тебя есть такая возможность.

«Он женат», – отчетливый и железный довод насквозь простреливает затуманенный рассудок. Тут же разозлившись на внутренний голос совести, я с еще более диким отчаянием и алчностью кусаю и облизываю горячие мужские губы, припадая к ним, как к самому вкусному праздничному десерту.

Викинг совершенно не в моем вкусе. Вредный, грубый, упрямый, безжалостно ироничный, заносчивый, наглый... что никак не мешает мне забраться любопытными пальцами под его футболку и посчитать порхающими прикосновениями кубики пресса.

Литая сталь, манящая и умопомрачительная.

Такая твердая под подушечками пальцев. Хочу засранца. Наваждение или порыв? Плевать, я устала совершать только правильные поступки. Мышцы Лэндона сжимаются сильнее, отзываясь на мои ласки, пульсируют желанием, взаимным голодом. У него потрясающее сильное тело, и я испытываю дикую потребность ощутить его вес, когда он накроет меня собой, раздвинуть для него ноги и почувствовать наполненность, мощные толчки, выбивающие из меня стоны.

Дух авантюризма распылен в воздухе, адреналин горячит кровь. Захлебываясь воздухом и вкусом друг друга, мы на мгновение прерываем поток диких укусов и поцелуев, давая друг другу возможность надышаться и ретироваться. Пора валить отсюда, пока не поздно, пока я окончательно не сошла с ума, и сама не стянула с себя трусики.

– Отстань от меня, отпусти, – выдыхаю, выражая слабое несогласие. – Я не путаюсь с женатыми и, вообще, все это...

– Не дергайся, кроха, – обрывает мой жалкий протест с глухим рокотом, властно сжимая мои ягодицы в ладонях.

- Неправильно...

- Меньше слов, детка, - Лэндон вновь накрывает мои губы своим развратным ртом. Его темперамент сокрушает меня горячими волнами, спиралью закручивающимися внизу живота. Его пальцы утонут в моем желании, если он доберется до красного кружева.

Все-таки опыт мужчины играет огромную роль. Часто фантазировала о мужчине постарше, который знает «как» и не станет спрашивать, а просто возьмет, не оставив выбора. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы почувствовать, Викинг - страстный, искушенный и наверняка неутомимый любовник.

- Давай сбавим темп, Лэнд..., - брошенные мной фразы перетекают в протяжный стон, когда в купе с поцелуем, Викинг нападает на мою грудь. Она чертовски чувствительна, особенно когда мужчина делает так...мягко потирает соски, превращая их в чувствительные горошины. Взвешивает их в ладонях, и прижимает меня к себе еще сильнее, позволяя моей груди колыхаться напротив его.

Я должна остановить это безобразие. Правило пяти свиданий нерушимо...

Окончательно протрезвев от выброса адреналина, я нащупываю свободной рукой бокал с остатками шампанского и выплескиваю его содержимое в лицо Викингу. Лицо Лэндона мгновенно искажает яростная и недовольная гримаса, предвещающая мне жесткую порку.

- Тебе надо остыть, - в качестве оправдания бормочу я, тщетно пытаюсь выровнять сорвавшееся дыхание.

- Это что еще за дебилские фокусы? - сквозь зубы рычит взбудораженный и разогорченный общим эротическим наваждением Викинг.

Я выигрываю несколько секунд, за которые успеваю встать и полноценно прикрыть халатом обнажившиеся плечи и грудь. Тяжело дыша, провожу языком по распухшим губам, отслеживая на себе пронизывающий голодный взгляд Лэндона. Его волосы влажные от шампанского, слегка взъерошенные...я бы хотела и дальше танцевать в них пальчиками и тянуть в разные стороны, но, увы - думаю, жена Викинга бы не одобрила мои порочные желания.

Может быть, они давно не близки, и поэтому он ведет себя так... нагло и распушенно с незнакомой ему девушкой? Но, с другой стороны, откуда мне знать правду? Пьяный мужчина, находясь в ссоре со своей пассией, может наплести первой встречной какую угодно сказку, лишь бы распаковать свой утешительный секс. Меньше всего я хочу быть «пластырем» для чужих ран или атомной бомбой для скрепленных законным браком отношений.

– Я тот же вопрос тебе хотела задать. Какого черта ты ко мне пристал? – возмущаюсь я, скрестив руки на груди.

Уверена, весь мой вид кричит о том, что продолжать прелюдию я не намерена.

А вот тело посылает энергетические флюиды с обратным значением.

Все внутри меня предательски ноет и пульсирует, когда я замечаю, как агрессивно бьется голубоватая линия на шее Викинга. Четкие линии ключиц, проступающие сквозь серую ткань футболки. И наконец – вздувшиеся вены на мощных руках, в которые хочется завернуться до завтрашнего утра...или до лучших времен.

– В чем твоя проблема, Снежинка? – его глаза затягивают меня в зыбкий порочный омут, где хочется забить на все и потакать своим прихотям. – Тебе нечего бояться. И точно некого стесняться, – Лэндон стремительно встает из-за стола. – Ты и сама не прочь потрахаться, или мне померещилось? – похабная улыбка расплзается по припухшим от поцелуев губам. Вот же мерзавец!

Мы снова преступно близко. Недопустимо. Опасно.

Рядом с ним я действительно чувствую себя крохотной снежинкой, случайно упавшую к подножию Эвереста. Неловко пячусь назад, но он наступает, пока не прижимает меня к стенке рядом с камином. Обхватив запястья и заломив их над моей головой, выдыхает в губы:

– Ты же не собираешься отказываться от рождественского подарка?

– Пожалуй, рождественский кекс – не тот подарок, что я хотела видеть под елкой. Он слишком сладкий и приторный..., – картинно морщусь, подрагивая от

соприкосновения с его телом.

– Не любишь сладкое? – усмехается Лэндон, мягко проводя языком по моей нижней губе. Его бедра жестко вжимаются в мои, и я чересчур шумно и отчаянно выдыхаю, ощущая животом впечатляющую эрекцию через его джинсы и слой ткани халата.

– Люблю. Но я на диете, – упрямо и неубедительно бормочу я.

Содрогаюсь от горячей пульсации между ног, ощущая жадные мужские поцелуи вдоль линии челюсти. Окончательно умираю, когда его язык оставляет влажный след на яремной впадине. Он хакнул базу моих эрогенных зон?

– Сегодня праздник, Снежинка. Небольшой читмил тебе не помешает. Если хочешь, чтобы я остановился, только скажи, – в том то и дело, что не могу.

И наглец прекрасно об этом знает, читая язык моего тела.

– Чего ты боишься?

– Ничего, кроме твоих извращенных намерений.

– Лучше извращённые намерения, чем гробовая тишина и полное одиночество. Не так ли? Признайся, кроха. Ты боишься спать одна, – его горячее дыхание оставляет теплый след на мочке уха. – И каждый раз, засыпая одна, ты так хочешь, чтобы кто-нибудь был рядом.

А говорил, что не мозгоправ. По крайней мере, сейчас он точно пытается залезть ко мне в голову и устроить там косметический ремонт без анестезии.

– Может быть. Но этот кто-нибудь, определенно, не ты, – вспыхивая, заявляю я. В уголках глаз скапливается соленая боль.

Викинг надавил на болезную мозоль, на страх одиночества, в котором я сама и призналась. Он чертовски прав. Я и с Джастином встречалась, терпела и подстраивалась только потому, что боялась оказаться без минимальной поддержки и защиты. Никогда его не любила, ни дня, ни секунды. И все же,

снова соглашалась на эти непонятные отношения, стоило лишь недельку пожить одной в городской квартире.

– Тсс, не злись, – Викинг аккуратно проводит большим пальцем по моей щеке, смахивая пару слезинок. – Ты мне нравишься, Снежинка. А, значит, мы волшебным образом потрахемся. Тебе будет приятно. И мне в тебе – тоже... – срывающимся голосом, предвкушает он, вновь вжимаясь в меня вздувшейся до треска ширинкой. – Я уже чувствую это.

– Нет, мы не можем, – продолжаю сопротивляться. Кажется, что наша борьба может продолжаться вечно. Если честно, это чертовски интересно. С Джастином у нас все было по расписанию. Скучно. Пресно. Без новшеств и энтузиазма.

А с Викингом...само предвкушение близости заставляет балансировать на грани оргазма.

– Ты уже взрослая девочка. Твои слова? – бархатистый тон его голоса вновь заполняет мой разум.

– Я не сплю с женатыми мужчинами. И не раздвигаю ноги на первом свидании...

– А у нас свидание? Кажется, будто мы давно знакомы, – из его уст даже банальная мужская уловка звучит привлекательно.

И если быть честной, то, несмотря на нашу затяжную перепалку, у меня тоже возникло чувство, будто мы знаем друг друга тысячу лет. И отдаться этому знакомому незнакомцу кажется самым естественным желанием из всех возможных.

– Нет. Но я не сплю с женатыми и точка, – противоречу жаждущей горячего совокупления амазонке, занявшей мое бесстыжее тело.

– Боишься, что Санта тебя накажет, за то, что ты была плохой девочкой?

– Не все страдают отсутствием совести, как ты, – парирую я, пытаюсь избежать его губ, и тут же нахожу их, когда он в дразнящей манере отдаляется от меня.

– А если я смогу доказать обратное? – наши дыхания переплетаются, меня окончательно накрывает. Если страшное произойдет, то я во всем обвиню шампанское.

– Попробуй, – срывается искреннее желание с губ.

– Вот так, Снежинка, – хвалит Лэндон. – Все что произошло в этом доме, останется здесь навсегда, – Викинг вновь напоминает мне о том, что мы занимаемся чем-то непозволительным для меня. – Наш рождественский горячий секрет.

Секрет и одноразовая любовница для меня в данном случае являются синонимами. У него есть семья. Я не в курсе всей правды, но знаю, что такое измена и никому не пожелаю подобного, даже когда все не клеится. Собрав всю волю и силы в кулак, я кусаю Лэндона в шею, не щадя острых клыков. Угрожающий рык Викинга сотрясает до нутра, но у меня появляется возможность и время для полной капитуляции.

Лэнд непроизвольно отпускает меня, и, почувствовав свободу в своих действиях, я стремительно несусь в коридор, наплевав на пургу, что ждет меня за пределами коттеджа.

Запрыгнув в угги, я выбегаю во двор прямо в халате. Мощный порыв ветра вонзается в кожу колючими иглами, но я фактически не ощущаю холода и боли. Проклиная царапающие щеки снежинки, и щурясь от холода, я направляюсь к заведенной машине. Двадцать минут назад я воспользовалась автозапуском, чтобы загнать ее в гараж, пока окончательно не замело. Это было гениальным решением – закрываюсь я уже в разогретой машине и, находясь в каком-то бессознательно-паническом состоянии, резво начинаю разворачиваться между внушительными сугробами. Руль едва слушается, застреваю в чертовых снежных валунах. Далеко я не уеду...

Нужно проваливать отсюда. Хотя бы до деревни. Вещи мне доставит провинившаяся по всем фронтам миссис Спаркл, а если нет – я подам на эту идиотку в суд. В тот момент, когда, мне, наконец, удастся развернуться, вжимаю педаль газа и стартую вперед. Злорадно ухмыляюсь, борясь с желанием показать средний палец, оставшемуся позади дому, но мой триумф длится недолго. Не успев проехать и пятидесяти метров, резко давлю на тормоз, едва

не наехав на появившегося из снежной пурги Лэндона. Он, что, смертник? То самовольно в прорубь бросается, то под колеса? Выругавшись сквозь зубы, я с глухим стоном опускаю руки.

Пока мое сердце начинает заходиться в истерике, Викинг уже опускается на пассажирское сидение моего авто. Машину начинает потряхивать от порывов ветра и воспламеняющихся искр, что калейдоскопом кружат между нами.

– Ты совсем с ума сошла? – рявкает Викинг. – Все-таки хочешь погибнуть сегодня? Унесет на трассе, ни одна скорая в Рождество и метель сюда не доедет, – отчитывает меня Лэнд, грубо хватая за скулы.

– Сам говорил, что не хочешь меня видеть, – с оскорбленным всхлипом напоминаю я. Наши взгляды развязывают очередной поединок, а в моей голове проскакивает глупая мысль, что разъяренным и мужественным он нравится мне даже больше, чем ироничным и остроумным.

– Забудь, что я говорил, – иступлено выдыхает Лэнд. – Ты остаешься.

Не дав мне и слова пикнуть в ответ, мужчина требовательно тянет меня на себя, крепко обхватив ладонями талию. Как невесомую снежинку перетаскивает на свое сидение, располагая на бедрах. Бескомпромиссно прижимает к себе, параллельно смахивая халат, оставляя меня практически голой, если не считать Рождественские стринги и уютные угги.

Горячие ладони властно накрывают и согревают мои задрогшие, покрытые мурашками плечи. Не отрывая голодного взора от моей далеко не самой большой груди, мужчина облизывает пересохшие от возбуждения губы. Неужели ему нравится? Треск моих праздничных трусиков разрушает окончательные сомнения в своей привлекательности, когда Викинг рвет их, мгновенно получая доступ к моей влажной промежности.

– Растаяла моя Снежинка, – удовлетворенно шепчет Лэндон, бесцеремонно-скользящими движениями стимулируя клитор. Несдержанный стон раскрывает мои губы, вырываясь из груди, когда сразу два пальца вбиваются в меня с порочно хлюпающим звуком. Неужели это я?

– Быстрее, – умоляюще бормочу, полностью растворившись в похотливом безумии. Прогибаюсь в его руках, инстинктивно разводя бедра шире. Я хочу, хочу прямо сейчас, и к черту все причины, почему я не должна этого делать.

– Потерпи, детка, – уговаривает Викинг, и его голос утопает в звуке расстегивающегося замка на джинсах. Да, пожалуйста...

Никогда так сильно не горела от желания. Все тело охвачено жидким, текучим, пламенем. Пока мой сексуальный могучий викинг сражается со своей ширинкой, я раздвигаю ноги, приготовившись оседлать моего почти-незнакомца. Так приятно и хорошо ощущать желание близости внизу живота, сгорая от нетерпения почувствовать внутри себя этого мужчину, а не пульсирующую пустоту.

– Не могу терпеть. Мне так хочется, – признаюсь, дрожа от возбуждения. – Подожди, защита... – закусив от досады губу, протягиваю руку назад, и, открыв бардачок на ощупь достаю оттуда пачку презервативов. Не знаю, с каких пор они здесь лежат, но надеюсь, срок годности не истек. Лэндон заговорщицки ухмыляется, взглядом одоблив мою предусмотрительность.

Мой разум гаснет окончательно, когда я наблюдаю, как Викинг освобождает из припущенных боксёров и расстёгнутых джинсов восхитительно-твердый член. Я готова застонать от восторга и нетерпения, что и делаю, цепляясь пальцами за бугрящиеся бицепсы.

– Давай же, Викинг! – требую я обещанный «волшебный секс». И пусть только попробует не оправдать свои обещания.

– У Снежинки горит в одном месте? – с распутной ухмылкой выдыхает Лэндон, раскатывая резинку по внушительному половому органу. – Потушить не обещаю, скорее – наоборот, – хрипло смеется. – Прыгай, детка, – дает мне команду «старт», и я немедля зарываюсь ладонями в мужские волосы, одновременно опускаясь на его бедра. Медленно и до упора. Замираю на пару секунд, прислушиваясь к ощущению тугой наполненности внутри, давая время мышцам подстроиться под впечатляющий размер Викинга.

– Тебя много, – стону я, целуя его развратный рот, сплетая наши языки в примитивном первобытном танце.

– Я предупреждал, – хрипло бормочет мне в ответ. Его недавнее: «ты мне не по размеру» сейчас звучит как вызов. Я неторопливо начинаю двигаться, постепенно привыкая и наслаждаясь скольжением мощного мужского стрежня, задевающего все мои эрогенные зоны.

– Умница... Арр, черт, – мужской рокот ласкает губы, когда я перехожу в стремительный галоп. Пытаюсь в процессе избавить его от футболки, не желая лишать себя возможности щекотать стальные кубики пресса.

Сама не верю в реальность происходящего. Это не я. Еще вчера – строгая приверженица дурацких пяти свиданий и миссионерской позы. Сегодня – одержимо трахаюсь с незнакомцем в машине. Самое разнузданное и спонтанное решение в жизни. Слава Богу, хоть про презервативы вспомнила.

– Выкинь из головы все, Снежинка, – замечая в моих глазах долю мелькнувших сомнений, приказывает Лэндон. – Покажи мне, как ты умеешь прыгать.

Я несостоявшаяся чемпионка в прыжках, Викинг.

– О да..., – кажется, сегодня я дорвалась не только до своей первой спортивной страсти. – Ты еще умолять меня будешь остановиться.

– Не дожدهшься, – обещает срывающимся шепотом, вбиваясь в меня снизу.

О Боги, я почти на финише. Потребность в движении затмевает все остальные, и я полностью отдаюсь своему распутному Викингу. Ни одной здоровой мысли не проскальзывает в мозгу, пока мы одержимо и неистово совокупаемся, спрятавшись за запотевшими автомобильными стеклами.

Обхватив его плечи одной рукой, второй упираюсь в стекло, оставляя на нем явный след. Подмахиваю его остервенелым нанизывающим толчком, опуская взгляд туда, где в едином ритме соединяются наши тела. Мне еще больше нравится его пресс, когда он так интенсивно работает им, но и я не собираюсь отставать от Лэндона. Выжму из этой ночи все, что могу, продемонстрировав рождественскому любовнику чудеса своей гибкости.

– Ты просто пожар, Снежинка, – его ладони и губы ловят мои соски, и я понимаю, что долго не продержусь, если он еще пару раз сожмет мою грудь. Хотя долго и не надо, он тоже чертовски близко. Язык Викинга настойчиво скользит по затвердевшим пикам, пока губы вбирают их внутрь теплого и чувственного мужского рта.

Так быстро, ярко, жадно никогда еще не было. Официально заявляю: это лучший секс в моей жизни, но я черта с два скажу этому горделивому Викингу об этом вслух. И что-то мне подсказывает, что машина – только начало...

Откинувшись назад, я умудряюсь закинуть одну из ног ему на плечо с невообразимой легкостью и грацией, ощущая его силу и мощь совершенно под новым наклоном.

Завтра я пожалею об этом. Но все это будет завтра. Жизнь слишком хрупка, чтобы отказывать себе в неслучайно случайном наслаждении.

Викинг

– Да! Да! Да! – в такт каждому удару кричит взмокшая наездница.

Я гортанно рычу в ответ, жесткими толчками стремительно приближая нас к финишной прямой. Бормочу что-то непристойно-пошлое, вбиваясь еще глубже. Горячая, мокрая и до искр из глаз тугая. Охренеть просто. На такой горячий секс я даже не рассчитывал. Снежинка? Ага, как же.

– Сильней, да... вот так, – командует шальная от возбуждения амазонка. – Еще, пожалуйста...

С хриплым стоном сминаю ее задницу, ускоряя поступательные движения. Внутренние мышцы пульсирующей женской плоти сжимают мой член, так что удовольствие принимает болезненный оттенок, не оставляя ничего, кроме пелены оголенной похоти и потребности брать без остановки, что я и делаю. Спускаю тормоза, остервенело нанизывая миниатюрную крошку на свой член. Она и не думает противиться, встречая мою активность приливом влаги и оставляя глубокие рытвины на моих плечах от впивающихся ногтей. Да, так, детка. Эротическое безумие с налетом боли. Это именно то, что делает секс

фееричным, неистовым, незабываемым.

– Сейчас... сейчас... – сбивчиво бормочет Снежинка, прикрывая отяжелевшие веки.

Влажные тиски горячего лона сжимаются сильнее, вырывая из моего горла рычащий стон. Где ты научилась этому фокусу, кроха? Так качественно меня лет десять не трахали, и я ныряю в эти ощущения без страховки, погружаясь в удовольствие с головой. С подошвы ее угг, упирающихся в сиденье над моим плечом, стекают холодные ручейки от подтаявшего снега, пропитывая футболку, но это внешнее вмешательство не несет отрезвления.

– Лэээndon, – мое имя, слетевшее с распухших приоткрытых губ, звучит, как горячее обещание мощнейшей разрядки. Откинувшись назад, малышка изгибается всем телом, позволяя моим ладоням направлять ее бедра. Гибкая, податливая, страстная...

Почему, черт побери, я называю ее Снежинкой?

– Адалин, – хрипло отзываюсь я, чувствуя, как по вискам и спине струятся капли пота. Маленькая красивая грудь с крошечными, похожими на ягоды малины, сосками, вызывает обильное скопление слюны во рту. Поддавшись вперед, захватываю зубами твердый камешек, раскатывая его во рту, заставляя Снежинку изнывать и нетерпеливо хныкать. Приподняв бедра, вбиваюсь в нее максимально глубоко, сквозь бордовый туман наблюдая, как напряжение охватывает запрокинутое, покрытое испариной лицо.

– Даа..., – протяжный стон разрезает густую, заполненную звуками животного секса и хриплым дыханием в душном пространстве автомобиля. Запустив пальцы в мои волосы, рывком тянет на себя, вжимаясь острыми сосками в мою грудь, трется, продолжая хаотично скользить на моем члене и не оставляя мне шанса продлить ее оргазм. – Да, да... – повторяет снова и снова, содрогаясь всем телом, извиваясь, как языческая богиня. Да, мать вашу, это и, правда, похоже на танец, но только не на льду, потому что ничего горячее я за свою жизнь не видел... и не испытывал.

– Твою ж мать, Снежинка, – хриплю я, мощно извергаясь в тесной глубине. Крышесносный кайф пульсирует в каждой мышце, оглушительно бьется в

висках, разгоняя сердечную мышцу до запредельной скорости. Я кончаю немислимо долго и бурно, с гортанными столами терзая умопомрачительный сексуальный рот. Совершив несколько инстинктивных толчков, замедляюсь, оставаясь в тесном жаре доверчиво прижимающегося ко мне тела.

– Нереальная, – бормочу с восхищенным удовлетворением. Опустив запрокинутую на мое плечо, стройную ножку, снова захватываю девушку в капкан своих рук. Провожу сухими губами по соленому виску Адалин, слизываю каплю пота, дурея от ее вкуса и плотного аромата обоюдного удовольствия.

Мы замираем в повисшем молчании, выдохшиеся, потные, плотно прилипшие друг к другу. Я лениво поглаживаю ее поясницу, она неподвижно лежит в моих объятиях, закрыв глаза и напоминая оттраханную спящую красавицу. В сказке вроде не упоминались сцены эротического характера, но моя интерпретация мне нравится больше. К тому же в Рождество, возможно, все, и нет ничего предосудительного в том, чтобы перепробовать множество сюжетов, с небольшой корректировкой. К черту цензуру. Мы живем ради получения удовольствия. Можно лицемерить, притворяясь, что это не так или позволить себе выжать максимум и хорошенько оторваться.

– Ты самый ох*енный рождественский подарок, Снежинка, – запустив пальцы в рассыпавшиеся по узкой спине волосы, осторожно сжимаю их на затылке, вынуждая посмотреть на меня. Она пьяно улыбается, в глазах все еще плывет туман наслаждения. Приоткрывает губы, когда я трогаю их большим пальцем.

– Может, Санта равнодушен к Викингам? – шальная усмешка растягивает ее порочный рот, вновь порождая ряд неприличных фантазий.

– Не думаю, но я точно не был хорошим мальчиком в этом году.

– Это заметно, Лэндон. – обхватив кончик пальца, она бесстыдно посасывает его, бросая на меня плутоватый взгляд. – Сегодня я твой Санта, похотливый Викинг, – цапнув фалангу острыми зубками, спрыгивает с моего члена, перебираясь на соседнее сиденье. – Ты порвал мои праздничные стринги, – поднимая с пола безнадежно затоптанный халат, с наигранным возмущением жалуется Снежинка, без тени смущения наблюдая, как я избавляюсь от презерватива и натягиваю на задницу спущенные вместе с боксерами джинсы.

– Куплю тебе новые, – со смешком отзываюсь я, застегивая ширинку.

– Мне все понравилось, Викинг. Очень. Мы продолжим, или ты выдохся? – наши взгляд сталкиваются в полумраке автомобиля, широкая улыбка, заигравшая на лице Адалин, ставит меня в легкий ступор, но ровно до момента, когда она безжалостно прячется под халатом.

– Хочешь еще кусочек кекса, сладкоежка? – ухмыляюсь, спускаясь взглядом к вздымающейся груди.

Девушка с задумчивой улыбкой склоняет голову к плечу, облизывая чувственные губы кончиком языка. В памяти мгновенно всплывают жаркие картинки, поднимая уровень тестостерона до максимума. Черт, этот распутный рот меня доконает. Шумно выдыхаю, ощущая как кровь стремительно направляется к паху, и долбаные джинсы снова становятся тугими и неудобными.

– А ты нет? – бросив красноречивый взгляд на вздувшуюся ширинку, выразительно скидывает бровь.

– Я загоню твою машину в гараж, а ты бежишь в дом и греешь постель. Идет? – торопливо спрашиваю, пока мой подарок «не сдулся», оставив меня на один с каменной эрекцией.

– По рукам, – согласно кивает Адалин, сверкнув белоснежными зубами.

– Еще шампанского? – спрашиваю у обессиленно распластавшейся на мне Снежинки. Мои ладони сползают с тонкой талии на подтянутые ягодицы, сыто сжимая упругие полушария. Она приподнимает голову, упираясь подбородком в мою грудь, встречая мой вопросительный взгляд.

– Я пас, чувствую себя.... Просто в хлам, – признается, воровато посмотрев на почти откупоренную бутылку, стоящую прямо на полу за моей головой. – Разве что глоток, – протянув руку, берет полупустой бокал, находящийся там же. Смочив губы, отдает мне, и вытягивается рядом, закинув точеную ножку на мое бедро.

Допив остатки игристого напитка, отставляю бокал в сторону, и повернувшись на бок, опираясь на локоть, рассматриваю свой соблазнительный и неожиданно выносливый рождественский подарок.

Поленья уютно потрескивают, откидывая ржавые блики на стройное и хрупкое, словно у хрустальной статуэтки, обнаженное тело. И огонь в камине – единственный источник света в стыдливо укрытой полумраком гостиной. Свечи давно погасли, в окна остервенело стучит метель, запертый на кухне Балто периодически напоминает о себе короткими завываниями, а мы, голые и выдохшиеся, валяемся на расстеленном покрывале, впопыхах сдернутом с дивана. Его нам показалось мало – дивана. А до спальни мы так и не добрались. Боясь, что Снежинка передумает, я неожиданно быстро справился с ее автомобилем и заскочил в дом практически следом. Адалин не успела подняться наверх, задержавшись в гостиной... а потом мы оба решили, что кровать подождет.

Все буйство страстей происходило здесь – на прогретом полу перед камином. Снежинка стерла колени и локти, пока мы экспериментировали с ее гибкостью, меняя позы и поверхности, но все равно выглядела довольной.

– С Балто получилось неудобно, – вздыхает Адалин, прижимаясь щекой к моему плечу. Ее взгляд рассеяно блуждает по моему голому телу, следуя за шаловливыми пальчиками.

– Он сожрал весь бекон из тарелок, и явно не чувствует себя оскорбленным, – отзываюсь низким голосом, стараясь не анализировать ощущение тепла, уюта и какой-то неподдающейся объяснению завершенности, что дает мне близость с практически незнакомой девушкой. Это не первый спонтанно-случайный секс за мой бурный опыт, но без сомнения отличающийся. Вот только чем именно?

– Мне давно не было так хорошо, – словно прочитав мои мысли, серьезно произносит девушка. – Наверное, никогда...

– Это магия Рождества, – отвечаю, глядя в задумчивые глаза, цвета елочных иголок. Я помню, что они умеют быть очень колючими и такими же острыми. Загадочно улыбаюсь, прислушиваясь к мелодичному звону колокольчика, на раскачиваемой гуляющими сквозняками омеле. – Или все дело в хорошем кексе? – смеюсь я, тут же получая ощутимый удар кулачком в пресс.

– Дурак, – качает головой Снежинка и добавляет с плутоватой улыбкой: – Но кекс и, правда, был неплох. Немного подгорел, но как оказалось, я люблю именно так... с поджарками.

Я невольно зависаю, утонув в глубине пронзительных глаз, в которых качается мое размытое отражение. Дело не в кексе и не в поджарках. Что-то особенное происходит с нами двумя. Праздничное помутнение? Я знаю ее от силы три часа, два из которых, мой член познавал тесные глубины миниатюрного тела. Такие отношения заканчиваются, не успев начаться, но, тем не менее, мне дико хочется задержать рассвет, и оттянуть момент, когда она навсегда исчезнет, переступив порог.

– Расскажи мне о доме, Лэндон, – внезапно просит Снежинка, пристраиваясь на моем плече.

«Женщины и разговоры» можно поставить на одну ступень с «женщины и секреты». И того, и другого всегда будет в неограниченном изобилии, если ты решился завести отношения. К этому надо быть готовым и подходить во всеоружии. Если проваливаешь первый уровень, то без права на реабилитацию переходишь сразу к следующему – «женщины и истерики», который вполне может закончиться предпоследним «женщины и измены».

– Что именно ты хочешь знать? – я не против разговоров, если девушка мне по-настоящему нравится.

– Почему ты его сдаешь? Семейное гнездо не место для чужаков. Ты мог бы сам здесь жить.

– Долго добираться до города, а зимой можно застрять на несколько дней, – озвучиваю основную причину, дотрагиваясь губами до теплого лба и гадая, какого же цвета ее волосы. В золотистых отблесках пламени они кажутся карамельно-шоколадными, едва тронутыми снежным инеем на закручивающихся кончиках, но при дневном свете оттенок может быть совсем другим. – Я давно планирую продать его, Снежинка. Никак не решусь.

– Плохие воспоминания или финансовые проблемы? – непринужденно любопытствует Адалин.

- Пытаешься прощупать мое материальное положение?

«Женщины и расчет» – это особая песня и больная для многих мужиков мозоль. Не стоит даже комментировать. Однако Адалин не похожа на девушку, падкую на денежный бонус в комплекте с избранником.

- Мне неинтересно материальное положение состоящего в законном браке мужчины, как в принципе, и любого другого, – с недовольством подтверждает она мои размышления на ее счет.

- Дом хранит слишком много того, о чем хотелось бы забыть, – задумчиво отзываюсь я.

- Если ты о родителях, то их забывать неправильно, даже если у вас были сложные отношения

- Дело не в них, – отрицательно качаю головой. – Я единственный и любимый сын, счастливая семья. Мама рано ушла, а папа не справился.

- Тогда почему ты хочешь избавиться от дома, где был счастлив? – недоумевает Снежинка.

- Это сложно объяснить, – сдаюсь я с тяжелым вздохом.

- А еще говорят, что мужчины примитивные существа, – не настаивая на продолжении, понимающе улыбается Адалин.

- Мир полнится заблуждениями, и каждое поколение придумывает новые мифы, и, что самое удивительное, кто-то в них и правда верит, – иронично ухмыляюсь я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.com/meyer_lana/24-chasa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)